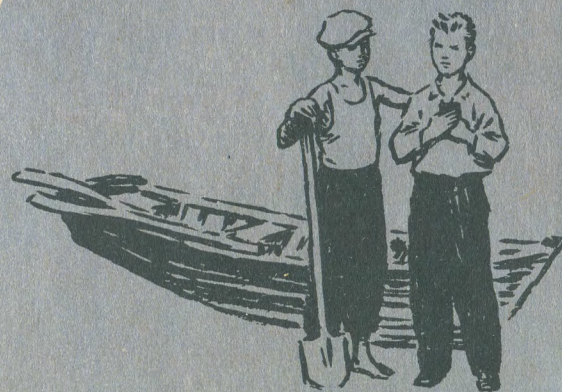
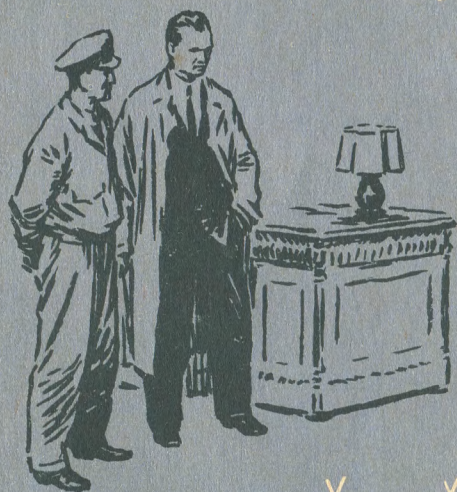

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ГРИГОРИИ ВОЛОДИН

Синий муч

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Издательство ЦК ЛКСМУ „Молодь“
Киев 1957

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Геолог Тропинин с опаской поглядел на меловые горы, высокой стеной отгораживающие от степи с запада Донец. За ними давно уже погромыхивал гром, и раскаты его, с каждым разом приближаясь, становились громче. Борис Антонович сильнее налег на весла. Из-за гор показался край тяжелой, черной тучи. Наткнувшись на высокие отроги меловых скал, туча заколыхалась, будто стараясь опрокинуть их, но, не осилив, отступила. От нее оторвались черные клубы и, тяжело переворачиваясь и сталкиваясь, они, казалось, покатались вниз. Ветер, до сих пор гудевший над головой, словно притиснутый тяжестью тучи, обрушился на реку. Тонкие тальники под его напором тревожно припали к земле, на качнувшихся тополях забились, точно в испуге, серебристые листья, мощные дубы вздрогнули и глухо зашумели. Ветер затрепал вершины деревьев, забушевал в зарослях, засвистел, заухал в буреломах. Сдерживая дикую ярость бури, тяжело застонал лес.

Ураган, вырвавшись на реку, вздыбил ее волнами и с такой силой обрушил их на подмытый течением левый берег, что огромные глыбы красной глины с грохотом и шумом свалились в Донец.

Борис Антонович круто повернул к берегу, прыгнул на землю. Вытаскивая лодку на песок, он мысленно торопил себя:

«Скорее! Скорее!»

Туча перевалила через горы. Глухо ударило вдали. Грохот грома заполнил свинцово-синее небо, тяжело перекатился через отроги гор и стих над водой, будто утонул в реке. Вокруг еще сильнее потемнело. И тотчас из черной тучи снова взметнулась ослепительная молния и, изламываясь, ринулась к земле. Раздался оглушительный удар, и земля будто качнулась.

Огненный меч молнии врезался за рекой в высокий дуб, и он разом — от могучей вершины до самой земли — вспыхнул огромным факелом. Ветер подхватил пламя, неистово растрепал его длинными космами, закрутил жарким смерчем.

Из-за туч ударил косой ливень.

Тропинин, схватив мешок с инструментами, побежал к крутому обрыву. Укрывшись под выступом скалы, он внимательно огляделся и совсем недалеко, в овражке, увидел вход в какую-то пещеру. Не раздумывая, Борис Антонович перебежал в нее.

Пещера оказалась просторной и сухой. Борис Антонович, устало опустившись на валун, прислонился спиной к стенке и попытался рассмотреть, что происходит на реке.

Гроза бушевала. Метались молнии, разрывая на доскутья черное небо. Непрерывно гремел гром. Ливень с шумом и грохотом волок с гор камни. Огромный обгорелый ствол дуба дымился на противоположном берегу Донца.

Тропинин достал из кармана спичечный коробок. Открыл его и принялся вновь рассматривать свою находку. Она по внешнему виду ничем не отличалась от куска обыкновенной железной руды, но богатый практический опыт геолога подсказывал ему, что это был совершенно новый металл, так долго разыскиваемый геологами. Свойства его давно были определены учеными, и в таблице Менделеева этот металл занимал свое место, но еще никто ни разу не видел его. Достаточно будет несколько граммов такого металла добавить в шихту в домне, и процесс плавки ускорится в десятки раз. При плавке стали в мартеновских печах он позволит избавиться от нежелательных примесей. Борис Антонович записал этот новый металл в своем поисковом дневнике под названием «санит», в честь сына.

Тропинин, зажав в руке «санит», задумался. Что-то сейчас делает его сынишка? Поди, широко раскрытыми

глазами смотрит на разгулявшуюся стихию, испуганно жмурится, когда сверкает вот такая молния... «Саша, мальчик мой, маленький ты еще, а то рассказал бы тебе, что я нашел. Ты, Санек, не представляешь, как мы начнем богатеть, добывая «санит»! Новые тысячи километров железных дорог пересекут степи, тайгу, через реки перекинутся арки мостов... А сколько новых машин сделают уже в этом году из добавочной стали, которую выплавят советские люди, обладая «санитом»!.. Нет, Санек, ты еще не можешь понять моей радости...»

Борис Антонович ласково улыбнулся.

А в Академии обрадуются... Надо будет немедленно отправить образец в Москву, описать место залегания металла...

Геолог ощупал кожаную сумку, набитую «санитом», посмотрел на реку. Гроза, громыхая и ухая, удалялась. Ливень перешел в мелкий, затяжной дождь. Тропинин сунул спичечный коробок с «санитом» в карман куртки, посмотрел на часы. Было еще рано. В пещере стало душно. Борис Антонович снял куртку, положил рядом с собой, на минуту закрыл глаза и сразу же задремал: сказала усталость — целый день он греб против течения.

Очнулся Тропинин от легкого встряхивания. Спрононок подумал, что его кто-то трясет за плечо, но рядом никого не было. Под ним вновь зябко вздрогнула земля.

«Подвижка пластов? Обвал?» — подумал Борис Антонович и тревожно вскочил. Схватив сумку и мешок с инструментами, Тропинин кинулся к выходу. Выбежав, он вспомнил о забытой куртке, повернулся и уже шагнул было в пещеру, как где-то в глубине ее раздался резкий треск. Сухо щелкая, ударились о стены камешки, и к выходу, клубясь и взвихриваясь, метнулось темное облако пыли. Тропинин выскочил наружу, бросился в сторону.

Из пещеры, грозно шипя, вырвалась мощная, голубоватая струя какого-то газа. Ударив в стену овражка, она обрушила град мелких камней. Спасаясь от них, Тропинин кинулся прочь, но, отбежав метров сто, он остановился, изумленный необычным явлением. Он увидел, как из пещеры выплеснулась какая-то серебристая жидкость. Словно желая иметь свидетелей виденного, геолог огляделся.

Вокруг никого не было. Мутный от дождевых вод До-

нец тихо покачивал лодку. На левом берегу все еще дымился зажженный молнией дуб.

А в следующую секунду произошло что-то необыкновенное. Из пещеры бесшумно вымахнул синий луч. Он, словно огромная лопата, врезался в высившуюся впереди гору, и тотчас раздался глухой взрыв. Гора вздрогнула, приподнялась и, тяжело ухнув, снова опустилась, огромные глыбы поползли в реку, в воздухе за клубилось темное облако пыли.

Изумленный Тропинин молча наблюдал за происходившим. Похоронив в своих недрах лодку, гора высокой насыпью преградила Донец. Сразу иссякшая река оголила перекаты и меляки. Большие валуны, отшлифованные водой, пламенели, отражая лучи заходящего солнца. Причудливо задирали вверх ветви коряги: черные, мохнатые от зелени. Недалеко от берега в небольшой луже ворочался сумрачно-черный великан-сом. Он зевал широкой пастью, а рядом с ним билась стайка серебристо-белых язей. Сзади снова что-то глухо ухнуло. Тропинин оглянулся. Пещеры не было: земля, осев, завалила вход.

Медленно взобравшись на бугор, Борис Антонович еще раз оглядел место, где он уцелел только чудом. От самого подножья горы до крутого левого берега возвышалась насыпь шириною метров в десять. Донец разливаясь начал топить тальники.

Присев на камень, Борис Антонович постарался спокойно восстановить в памяти все, что произошло в течение последних нескольких минут. Когда перед его глазами вновь возникла картина взрыва, он с удивлением отметил, что гора была словно подрезана синим лучом. Чем это объяснить?.. Тропинин быстро сбегал вниз и принялся тщательно осматривать подножье только что высившейся горы. Ее у самой подошвы будто срезало огромным и очень острым ножом. Даже камень-дикарь не устоял перед силой луча. Тропинин медленно обошел площадку. Потом вдруг резко обернулся и посмотрел туда, где была пещера.

— Не может быть! Глупости! — громко воскликнул он. — Ну при чем здесь «санит»? — Он неуверенно шагнул вперед, потом подбежал к глыбам, завалившим вход в пещеру, и начал торопливо их разбрасывать, обдирая в кровь руки, пытаясь освободить вход в пещеру. — Я должен узнать. Сейчас же узнать. Неужели серебристая жид-

кость... подействовала на «санит», и он дал синий луч! — шептал геолог.

Задыхаясь, Тропинин несколько раз пытался отодвинуть большой камень, загораживающий ему путь, и бесильно опускался рядом. Передохнув немного, снова принимался за дело. Наконец-то геологу удалось сдвинуть камень в сторону. Он припал к щели, пытаясь в темноте рассмотреть место, где отдыхал во время грозы. Ничего не увидев, Тропинин выхватил коробок спичек, чтобы осветить пещеру, но тотчас остановил себя.

«А если в ней взрывчатый газ?» — подумал Тропинин и положил спички в карман.

Сверху на него посыпались мелкие камни. Борис Антонович поднял голову. С горы медленно спускался мужчина, настороженно сжимая в руках двухстволку. Строго глядя на Тропинина, он спросил:

— Что здесь происходит?

— Помогите! — попросил Борис Антонович, указывая на камень. — Скорее!

Мужчина недоверчиво оглядел геолога, кинул взгляд на место взрыва, спросил:

— И здесь... бомбили?

Тропинин, не слушая, вновь навалился на камень, силась сдвинуть его с места. Мужчина, забросив ружье за спину, принялся помогать, подумав, что геолог спасает кого-то, засыпанного взрывом. Общими усилиями сдвинули камень, и Борис Антонович осторожно пополз в пещеру. Мужчина схватился за ружье, строго окликнул:

— Эй, назад!

— Сюда не ходи! — закричал в ответ Тропинин. — Не ходи!

— А ну вылезай! — приказал мужчина. — Вылезай, тебе говорю! Стрелять буду!

Тропинин, шаря руками по полу пещеры, пытаясь отыскать оставленную там куртку, наконец понял приказание и удивленно спросил:

— Вы это что надумали?

— Вылезай, говорю! «Что?»

— Я здесь куртку забыл. Ищу...

— Живо! Знаем мы эти куртки!

Тропинин, услышав шелканье взводимых курков, вылез наружу. Он увидел наставленную на него двухстволку и отшатнулся.

- Это еще что такое? — спросил он изумленно.
- Пошли! Шагай куда скажу! — приказал мужчина.
- Позвольте... — повысил голос Тропинин.
- Не разговаривай!

Пройдя немного, Тропинин остановился и сказал:

— У меня здесь вещи, — указал на мешок и кожаную сумку.

Мужчина подобрал их и еще строже приказал:

— Иди! Да молча иди, а то... как двину!

Уже наступили сумерки, когда конвоир ввел Тропинина в городское отделение милиции. Начальник отделения строго посмотрел на вошедших. Узнав Бориса Антоновича, он удивленно спросил его конвоира:

— В чем дело?

— В пещере хотел спрятаться. Вот вещи... Не иначе — шпион!

— Что?! — возмутился Тропинин и, сжав кулаки, шагнул к говорившему. — Я — шпион?!

— Борис Антонович, обождите, — попросил начальник милиции.

— Он гору взорвал. Донец завалил и еще кричит!

— Ничего не понимаю, — возмутился Тропинин. — Привел в милицию и городит черт знает что!..

— Давно вы из дому? — снова перебил начальник милиции.

— Неделю... Нет, больше, пожалуй. Десятый день.

— Да... — хмурясь сказал начальник милиции. — Одним словом, вчера немецкие фашисты напали на нас. Началась война, уже бомбили областной центр...

— Война?.. — прошептал Тропинин. — Война, — и резко сказал начальнику милиции: — Немедленно предоставьте мне машину! Немедленно!..

* *

*

Образцы вновь открытого Тропининым металла самолетом были отправлены в Москву. Через неделю началась разработка карьера, куда Тропинин привел первую партию машин с оборудованием. День и ночь производились работы. Добытый металл немедленно вывозили на Урал.

Из Академии Тропинину сообщили, что он открыл очень ценный металл, но, как показали исследования, аб-

солютно не влияющий на процессы в металлургии. Предположение Бориса Антоновича, что «санит» явился причиной появления синего луча — в Академии тоже категорически отвергли. Тропинин снова побывал в пещере. С партией рабочих чуть не по крупинке перебрал землю, завалившую вход. Не обнаружил он и никаких признаков куртки, оставленной им в пещере во время грозы. Анализы воздуха, струившегося из большой трещины, появившейся после взрыва в глубине пещеры, не подтвердили наличия какого-либо газа.

Временами Борис Антонович соглашался с мнением ученых, что синий луч, виденный им, был выброшен из недр земли при громадной подвижке пластов. И все же ночи напролет искал состав жидкости, от действия которой «санит» (в Академии присвоили металлу другое название) дает синий луч.

Шла война. Фашисты приближались к Донбассу. Институт, в котором работал Тропинин, эвакуировался на восток. Вместе с ним выехала из городка Крутые Горы и семья Тропинина. Квартира опустела. Борис Антонович перестал ходить домой, поселился в институте и большую часть времени проводил в лаборатории в поисках синего луча. Свои расчеты и выводы он сжато записывал в книжку в яркозеленой обложке. Иногда забываясь, Тропинин на страницах записной книжки мечтал о будущем «сани-та», предполагая, что, используя синий луч, можно будет рыть каналы, пробивать в скалах туннели, расчищать в горах путь для железнодорожного полотна. Во всех этих догадках геолог исходил из простого расчета: при взрыве на Донце уцелела пещера, значит действие синего луча строго направлено. Мечтал... А иногда с гневом швырял листки, написанные формулами химических соединений.

Шла война. Шахтерский городок покидали последние эшелоны. На улицах и площадях октябрьский ветер трепал обожженные утренними заморозками листья, тоскливо выл на опустевших заводских дворах, стонал в стальных переплетках копров. Земля вздрагивала от близкой артиллерийской канонады.

Борис Антонович сегодня был в военкомате, просил направить его в действующую армию. Снова отказ, снова приказано ехать на восток. Завтра вечером с последней машиной института он покинет родной город. Завтра?... Он встал, походил по лаборатории. Сел и, заглядывая в фор-

мулу, принялся составлять раствор. Влив последнее вещество, задумчиво глядя в окно, встряхнул колбочку.

Вдруг сильный взрыв неподалеку разорвавшегося снаряда потряс здание. Закачались люстры, жалобно звякнули на столе стеклянные пробирки, задребезжали оконные стекла. Тропинин, не меняя позы, прислушался. Издали донесся глухой шум. Потом он, нарастая, приблизился. На долю секунды показалось, что снаряд зацепил железные листы крыши и потащил их, гремя и взвизгивая, прочь. Вблизи раздался взрыв. Здание вновь встряхнуло.

«Артобстрел? — выпрямляясь, прошептал Тропинин. — Так близко немцы?» — Он хотел подойти к телефону, позвонить секретарю райкома, справиться об обстановке, но взгляд его упал на колбочку с новым раствором, и геолог замер.

В колбочке переливалась серебристая жидкость. Точь в точь такая же, как и та, что выплеснулась из пещеры. Тропинин, предчувствуя разгадку появления синего луча, еле сдержал крик радости. Забыв обо всем, Борис Антонович торопливо схватил толстостенную стальную трубку, заваренную автогенной сваркой с одного конца, зажал ее в слесарные тиски, направив свободный конец в кирпичное основание круглой голландской печи, стоящей посреди лаборатории. В отверстие Тропинин осторожно опустил маленький кусочек «санита» и рукой склонил колбу. Маленькая капля серебристой жидкости просочилась в трубку. Оттуда мгновенно вырвался синий луч. Наткнувшись на кирпич, луч врезался в него и исчез на долю секунды, потом, мелькнув с другой стороны, вонзился в стенку. В печи и стенке, там, где их коснулся синий луч, зияли круглые отверстия.

Бледный, взволнованный Тропинин замер посреди лаборатории. Где-то совсем рядом с зданием института снова разорвался снаряд. Борис Антонович кинулся к столу, переписал в книжечку формулу серебристой жидкости. Выхватив из кармана письмо, которое он не успел отправить жене, написал прямо на конверте: «Синий луч найден». Потом зачеркнул это и написал: «То, что искал, нашел». Торопливо уничтожив все свои сегодняшние расчеты, он выбежал из лаборатории и, припадая к земле, когда в городке рвались снаряды, добрался до почты. На телеграфе вместо девушки сидел рослый красноармеец.

Сердито хмурясь, он что-то отбивал ключом. Не обращившись к вошедшему, красноармеец, протянув руку, сказал:

— Давай, что там у тебя?

— Сейчас, — заторопился Тропинин. Склонившись к столу, он быстро написал формулу на листке, — вот, Академии наук.

— Что такое?! — обернулся боец. Увидев перед собой штатского человека, стукнул кулаком в деревянную перегородку. Тотчас появился красноармеец с винтовкой. — Отведи к комбату... вот с этой телеграммой. Скажешь, — он кивнул на Тропинина, — сам к нам пришел.

— Послушайте, товарищ! Надо немедленно передать эту телеграмму! Она очень важная! Очень... Я прошу... Я требую!

— К комбату! — берясь за ключ, приказал телеграфист.

— Я никуда не пойду, пока не передадите моей телеграммы! Поймите, это... это... Я не могу вам сказать, но это очень важно немедленно передать.

— Прошу, гражданин! — строго сказал красноармеец, винтовкой указывая на дверь.

Серый, мгlistый рассвет занимался на востоке. На окраине городка гремел бой. Слышались пулеметные очереди. По улицам торопливо перебежали связные. Шли раненные. В городе пусто рвались вражеские снаряды. Солдат вел Тропинина кратчайшим путем. Они были почти у блиндажа комбата, когда впереди их разорвалась мина. Боец, выронив винтовку, упал. Тропинин склонился над ним, испуганно попросил:

— Товарищ, вставайте... Скорее надо.

Поняв, что боец мертв, Тропинин схватил винтовку и побежал вперед. Видя, как немцы поднялись в атаку, он скатился в ближайший полуподвал, где помещался комбат. Тяжело дыша, Тропинин огляделся. У стола сидел лейтенант и по телефону отдавал приказания. Окна были заложены мешками с песком. В узкие амбразуры на улицу выставлены стволы пулеметов «максима». Красноармейцы, припав к амбразурам, внимательно следили за тем, что происходит на поле боя.

— Товарищ лейтенант, близко! — взволнованно сказал один из бойцов, нервно поправляя на голове бинт. — Разрешите огонь.

— Сколько? — стараясь быть спокойным, спросил лейтенант.

— Метров... сто,— прошептал красноармеец.

— Подпустите ближе,— тихо приказал лейтенант и еще тише сказал в трубку телефона: — Сержант Петров, примите командование ротой. Запомните, товарищ сержант, без приказа не отступать. Ясно? Вот и хорошо,— вздохнул лейтенант. И только теперь заметил Тропинина и, увидев у него в руке какую-то бумажку, сказал: — Давайте, что у вас?

— Мне нужно передать...— быстро заговорил Тропинин,— нужно...

— Пятьдесят! — вскрикнул пулеметчик.

Лейтенант шагнул к пулемету, припав к прицелу, скомандовал:

— Огонь!

Пулеметы застрочили длинными очередями. Долго, упорно стучали «максимы». От напряжения у бойца из под бинта выступил пот. Вдруг он радостно улыбнулся и закричал:

— Ага, гады! Повернули! Давай им в душу...— и, не договорив, стал медленно оседать вниз, цепляясь за стену.

Тропинин кинулся к нему. Лейтенант, косясь на них, продолжал вести огонь. Оттащив красноармейца на середину блиндажа, Тропинин подскочил к пулемету, нажал на спуски.

— Отставить! — приказал лейтенант, отодвигаясь от пулемета. Выпрямившись, тяжело вздохнул, облизал языком сухие губы. — Еще раз отбили... Да, жмут... Так что у вас?

Тропинин шагнул к нему.

— Передайте телеграмму.

Лейтенант внимательно посмотрел на формулу, спросил:

— Кому?

— Академии наук!

— Академии? — лейтенант удивленно и снисходительно улыбнулся. Внимательно посмотрев на Тропинина, он спросил: — А в штаб полка вас устроит? — Опять вздохнул и грустно пошутил: — С Академией у меня связи нет.— Но, увидев растерянное лицо Тропинина, лейтенант снял трубку, послушал и, нахмурившись, тихо обронил: — Связь с полком прервана.— Он на минуту задумался.—

Что же мне с вами делать? Да, простите, как ваша фамилия?.. Тропинин? Так вот, товарищ Тропинин, идите в штаб полка, вы еще успеете добраться. Штаб в конторе металлургического завода...

— А вы?.. — сорвалось у Тропинина.

— У нас приказ — подольше задержать здесь гитлеровцев.

Тропинин медленно направился к выходу. Он уже толкнул дверь, когда лейтенант вновь отдал команду открыть огонь.

Из полуподвала застучал лишь один пулемет. Тропинин резко обернулся. Лейтенант, широко расставив руки, медленно клонился к столу. Тропинин подскочил к амбразуре. Он увидел бегущих цепью во весь рост немцев и резанул по ним пулеметной очередью. Несколько гитлеровцев будто испуганно взмахнули руками и упали. Какая-то неведомая сила влекла фашистских солдат друг к другу, они сбивались в тесные кучки, и Тропинин тотчас направлял на них струю пуль из вздрагивающего «максима».

Цепи редели. Наконец они замерли на секунду, один из солдат, повернувшись, пригнулся и кинулся бежать назад, за ним — второй, третий, и вся цепь наступающих стремительно откатилась и залегла. На полуподвал, загородивший продвижение вперед, обрушился шквал немецких снарядов. Загрохотали взрывы, рухнули остатки кирпичных стен, вокруг все заволочлось пылью. В узкие щели амбразур летели камни, земля. Распаривая мешки с песком, выли осколки снарядов. И вдруг наступила тишина. Взрывы прекратились. Тропинин выглянул в амбразуру. Густые, серо-зеленые цепи гитлеровцев неотвратимо ползли вперед. Казалось, теперь их нигде и никогда не останут. Тропинину стало жутко. Он закрыл глаза и отшатнулся от стены. Рядом упал со стоном последний боец.

— Батарея! Батарея! — вдруг услышал Тропинин голос лейтенанта.

Лейтенант, прижав левую руку к плечу, привалился к стене и смотрел на ползущие вперед серо-зеленые цепи.

— Я комбат два, прошу огня! Слушай мою команду! Прицел...

И посреди цепей фашистов фонтанами вздыбилась земля. Но гитлеровцы поднялись в атаку и неудержимо катились к Тропинину. Он уже видел перекошенные лица

с широко раскрытыми ртами. Поборов минутное замешательство, Борис Антонович снова припал к пулемету.

— Батарея! Перенести огонь! — скомандовал лейтенант.

Шквал снарядов обрушился на бегущих немцев.

— Так! — закричал лейтенант. — Так их! Еще перенести, слушай поправку!

Теперь уже осколки своих снарядов завывали над головой Тропинина. С грохотом отшвырнуло искаженный пулемет. Десяток метров отделял гитлеровцев от полуподвала. Лейтенант передал новое приказание на батарею. Тропинин обостренным слухом расслышал ответ:

— Лейтенант Смирнов, это же ваша точка?! Повторите прицел!

— Я приказываю — огонь! — закричал Смирнов. — На меня огонь!

Около окна, где стоял лейтенант Смирнов, глухо хлопнула граната. Сотни осколков посыпались в полуподвал. Выронив трубку, упал лейтенант Смирнов.

Сверху послышался топот, дверь распахнулась. Мимо Тропинина мелькнула граната. Борис Антонович упал. Последним усилием воли он схватил телефонную трубку и закричал:

— Я приказываю! Огонь на меня! Огонь!

Снаряды лавиной обрушились на полуподвал.

— Огонь! — повторил Тропинин и, оглушенный, потерял сознание.

*   *
*

Через полчаса фашисты ворвались в полуподвал. Одни, остановившись у двери, настороженно водили автоматами, другие, светя фонариками, двинулись вперед, выкрикивая:

— Рус, плен — выходи! Выходи!

Никто не отозвался. Гитлеровцы принялись обыскивать убитых.

Тяжело раненный лейтенант застонал. Фашист поднял автомат. Раздалась очередь. Смирнов, вздрогнув, замер. Обшарив его карманы, фашист нагнулся над Тропининым. Сняв часы, быстро сунул их в френч. Вытащив записную книжку, полистал ее, хотел швырнуть в сторону,

но, обернувшись к неподвижно стоявшему высокому немцу, насмешливо сказал:

— Курт, возьми! — и бросил книжку. Она пролетела над лежащим Тропининым. — Ты изучаешь их язык, попробуй прочесть.

Курт Винер на лету поймал записную книжку и, подойдя к свету, падавшему из амбразуры, перевернул несколько страниц.

— Санит, — вслух прочел он слово, написанное более крупными буквами, и еще полистал страницы. Увидя формулу какого-то химического соединения, подумал: «Химиком, наверное, был». Ему захотелось взглянуть в лицо русскому, который, как и недавно погибший на русском фронте брат Курта, занимался химией. Курт подошел к Тропинину, направил на него луч фонарика.

Русский был еще совсем молодым, и Курт Винер опять подумал, что примерно столько же лет было и его брату. Они даже чем-то похожи друг на друга... Только у русского не белесые, как у брата, а черные волнистые волосы. Вдруг русский открыл глаза. Курт Винер отшатнулся.

— Пить, — тихо попросил Тропинин, не понимая, где он находится.

Курт невольно потянулся к фляге, но в это время сверху закричали:

— Эй, Курт! Выходи! Ты что, думаешь после нас еще что-нибудь найти?! — И несколько человек громко захотали, а кто-то из них заглянул в полуподвал.

Держа в руках записную книжку русского, Курт Винер торопливо побежал наверх.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отгремела война... Курт Винер после окончания войны вернулся из плена в Западный Берлин. Дом, в котором он жил до войны, был разрушен, семья ютилась в подвале.

На вопросы жены, как ему жилось в плену, Курт отвечал так, будто многого, что было с ним в России, не понимал.

— Нам выдавали продукты такие же, как и советским рабочим... и по той же норме.

— Не может быть?! — удивлялась жена.

— Да, да! Все зависело от того, выполнишь ты норму работы или нет. Сделаешь больше — продуктов больше получишь...

... На третий день после возвращения домой Курт отправился искать работу. Город лежал в развалинах. Дома, сотни лет служившие добрыми убежищами людям, грудились огромными кучами щебня. Искореженные бомбами и пламенем железные балки крыш и междуэтажных перекрытий переплетались в воздухе, словно щупальцы чудовищ, сцепившихся в смертельной схватке. Задымленные проемы окон казались провалившимися глазами мертвецов. Иссеченные осколками стены, вспоротые бомбами шоссе и тротуары, изрешеченные пулями зеркальные витрины магазинов — все кричало о войне. По улицам двигались бронемашины, будто приглядываясь черными зрачками пулеметов к редким прохожим. С бешеной скоростью мчались воюющие полицейские машины. В них с белыми галунами на мундирах, в фуражках с высокими белыми тульями, в белых перчатках восседали чины военной полиции западных стран.

...Курт поздно вернулся домой. Работы он не нашел.

Через несколько дней Курт, захватив кое-что из носильных вещей, отправился к рейхстагу. Вскоре Курт затерялся в многолюдной толпе.

Здесь, у гранитных колонн и ступеней сгоревшего рейхстага международные спекулянты торговали всем: пудрой, перчатками и картинами Лувра. Жители западного сектора Берлина тут же за продукты отдавали носильные вещи солдатам западных армий. Добротное пальто шло за килограмм хлеба, костюм — за фунт чикагской конской колбасы. Жителей восточного сектора Берлина было меньше, там всем, кто работал, выдавали продукты по карточкам.

Курт, перекинув через руку пальто, остановился около американца. У того на оголенной по локоть руке стучали около десятка разнокалиберных часов. Он громко зывал покупателей, и резкий голос американца выделялся в шуме толкучки. Курт засмотрелся на него. Вдруг кто-то тронул Курта за руку, он обернулся. Рядом стоял чуть ниже его ростом прилично одетый мужчина. Щупая пальцами материал пальто, он спросил:

— Продаете? — глаза его быстро обежали серо-синий мундир бывшей германской армии, в который был одет Курт.

— Меняю, — ответил Курт и тихо добавил: — На продукты.

— Жаль. Я, пожалуй, мог бы его купить, мне нужно пальто, — он оглянулся по сторонам, понизил голос до шепота: — Скоро зима, а вернулся я в шинелишке...

— У меня это тоже не лишнее, а что сделаешь? — спросил Курт.

— Я-то, понимаете, в плену был... Вам не довелось? — быстро взглянул в лицо Курту. — Похоже — был.

— Пришлось... в России.

— Вот как? А я у англичан. В Египте попал, — потом, будто еще колеблясь, он снял с руки Курта пальто. Примерил. Осмотрев себя в пальто, сказал: — Возьму, пожалуй. Что просите?

Курт назвал продукты, которые он хотел бы получить за свое пальто. Покупатель, шевеля губами, вполголоса занялся подсчетами, потом быстро сказал:

— Пожалуй, хватит. Обождите здесь, я куплю продукты и принесу.

Курт остался один. Вокруг сновали люди, показывая вещи или продукты, называли цены, уходили. Потом появлялись новые, и все повторялось сначала. Курт уже потерял надежду дожидаться своего покупателя, когда тот вынырнул из толпы с большим свертком подмышкой.

— Еле удалось достать, — шумно вздохнул он, передавая сверток. — Здесь все, что вы просили. — Накинув на плечи пальто, он посмотрел на Курта, который с голодным блеском в глазах осматривал продукты, и спросил: — Нам случайно домой не по пути?

Курт назвал свою улицу.

— О, так это мне по дороге. Пошли.

Они быстро выбрались из толпы.

— А что, пришлось в России поработать? — спросил новый знакомый. — В лагерях, поди?

— Нет, не держали в лагерях, — ответил Курт. И от радости, что обменял пальто на необходимые для семьи продукты, разговорился. — Еще до войны я начал изучать русский язык. Потом в России продолжал заниматься этим. Трудно было... мало кто из русских охотно разговаривал с нами. А в Донбассе мне посчастливилось до-

стать хороший словарь. Тогда дело пошло быстрее. Попал в плен, работал переводчиком.

Продолжая рассказывать о своей жизни в Советском Союзе, Курт остановился против огромной груды щебня.

— Вот так и жил... А это мой дом,— указал он на дверь, ведущую в подземелье.— Зайдемте?

— Нет, нет! — отказался спутник.— Я и так уже задержался, жена, пожалуй, волнуется. Время-то беспокойное... А как у вас с работой?

— Не нашел... Придется идти в Восточный Берлин, там можно поступить на работу.

— Разбирать завалы?

— Зато будешь получать хлеб, масло, деньги.

— А вы не были на улице Бисмарка, 8? Там набирают рабочих.

— Был. Отказали... Везде был.

— На Бисмарка, 8 надо наведываться каждый день. Я когда-то тоже так ходил, а вот сейчас работаю.

Попрощавшись, спутник перешел через улицу, остановился и начал закуривать, повернувшись спиной к сходящему в подвал Курту. Когда тот скрылся, он быстро достал «вечную» ручку и записал адрес Курта Винера. Потом еще раз осмотрел улицу и довольно улыбнулся.

— Пожалуй, за Курта я хорошо получу,— промолвил он и направился к зданию рейхстага.

* * *

На другой день Курт Винер зашел в дом на улице Бисмарка. В приемной посетителей не было. Потоптавшись около порога, Курт несмело подошел к одному из столов, за которым сидел немолодой уже немец. В первый свой приход сюда Курт обращался тоже к нему. Сейчас он что-то писал на бланке толстой бумаги.

— Я насчет работы,— тихо сказал Курт.— Можно?

— Вы записаны у нас на очереди? — спросил служащий, оторвав взгляд от бланка.

— Три дня назад я справлялся у вас о работе, вы ничего не говорили об очереди.

— Как фамилия? — спросили откуда-то со стороны.

Курт обернулся и, не зная кому отвечать, так как столов в приемной стояло много и все служащие, ожидая ответа, смотрели на него, всем сразу сказал:

— Винер... Курт Винер.

— Это, кажется, у меня,— протянул пожилой немец, у стола которого стоял Курт. Служащий быстро достал карточку и, не поднимая головы, вполголоса, недовольно сказал: — Вы тот раз так быстро ушли, что мы ничего не могли вам объяснить. Хорошо, хоть я успел записать вашу фамилию. Садитесь.

Когда Винер ответил на немногочисленные вопросы о местожительстве и семейном положении и когда все это служащий бюро внес в карточку, ему предложили пройти к шефу.

В просторном кабинете, обставленном дорогой мебелью, с богатыми шторами на окнах и старинными картинами на стенах, сидели два человека. Один за большим, массивным столом что-то писал, другой — в кресле, привалившись к спинке, курил сигару. Служащий пропустил вперед Курта, склонив голову, сказал:

— Курт Винер,— помолчав, добавил: — Ищет работу,— и вышел.

Сидевший за столом кинул проницательный взгляд на Курта, молча указал на стул, стоящий около стола, и, не дожидаясь, когда Винер подойдет, спросил:

— Ваша специальность?

— До войны я работал слесарем,— присаживаясь на краешек стула, ответил Курт.

— Кем были на фронте? Шофер? Механик?

— Нет. Автоматчиком.

— Так, так... А больше у вас никакой профессии нет? Может, вы хорошо знакомы с станками немецких фирм? Их наладкой?

— Да, мне приходилось заниматься наладкой станков,— торопливо ответил Курт.

— На каких заводах? Круппа, Мессершмитта?

— Нет,— Курт замялся: наладчиком станков работал он, будучи в плену в России, на одном из заводов, эвакуированных в Сибирь, но сказать об этом Винер боялся, опасаясь, что ему тогда могут отказать в работе.

— На Телефункене?

— Не-ет...

— Вы нам все говорите. Мы должны все знать, чтобы обеспечить вас соответствующей работой. Иначе мы вынуждены будем послать вас в полукустарные мастерские. Как хотите, выбирайте.

— Я работал в... России,— тихо сказал Курт.

— Вы были в плену?

— Да...

— Смотрите, господин Крузе, русские допускали пленных налаживать станки! Интересно, интересно! Ну, и что же — за вашей спиной стояли с автоматом?

Перед Куртом пронеслись картины недалекого прошлого. Он вспомнил просторный цех, где по своей же просьбе работал наладчиком станков, вспомнил, что никто не стоял за его плечами с оружием. Но сейчас он искал работу и поэтому ответил:

— Да.

— А не говорил ли я вам об этом, господин Шварц? — улыбнулся тот, что дымил сигарой.

— Вы видите, господин Крузе, русские нарушали Международную Конвенцию о военнопленных, подписанную в Женеве, они заставляли силой оружия работать военнопленных и еще, наверное, для военных целей! — Шварц резко налег грудью на стол, взял ручку и, рисуя на чистом листе бумаги какие-то завитушки, небрежно спросил: — Большой завод? Пустяк, наверное, иначе вы бы туда не попали.

— Не могу сказать, но огорожена большая площадь.

— Ну я так и знал! Это маскировка русских. Чтобы сбить с толку пленных, они допускали некоторых на свои заводы. А какие это заводы? Один цех, а территорию загораживают по площади больше Дании, — Шварц сучающе зевнул. — А скажите, вы не помните, где этот завод?

— Недалеко от станции Седьмой Крест. Я был там совсем недолго.

— Да-а,— протянул Шварц, быстро записывая название станции. Потом, снова чертя завитушки, медленно промолвил: — Гм-м... Что же мне с вами делать, господин Винер? Видимо, вы не очень-то большой специалист в этой отрасли. Что вы заработаете на наладке станков? То-то. А скажите, вы не работали на лесозаготовках?

— Приходилось.

— Это тоже... там? — Шварц махнул рукой куда-то за окно.

— Да. В Сибири.

— Наверное, страшная пустыня, а? Холод, тайга, и

ни одного города... завода, а? Древесину вывозят за тысячу километров. Жутко, правда, господин Винер?

— Холодно,— зябко повел плечами Курт.— А древесину перерабатывают на месте.

— Это... где-нибудь около Иркутска или Верхоянска?

— Нас высадили на станции Сон. Потом целый день везли на машинах.

— Да, натерпелись вы, господин Винер,— посочувствовал Шварц, снова записав название станции.— Так что же мы с вами будем делать? Скажите... вы, случайно, не знаете русского языка?

— Знаю,— вырвалось у Курта.

— Да? Это чудесно! Может, вы были переводчиком?

— Был,— тихо проронил Курт. Он не раз слышал, что всех, кто был у русских переводчиком, здесь заносят в особый список, и никакой работы теперь ему не получить.

— Очень хорошо! — удовлетворенно сказал Шварц.— Вот теперь наше бюро может вам гарантировать работу. И оплата приличная, весьма приличная! На чем бы нам проверить, быстро ли переводите вы текст?.. Да, как же мы сделаем? Желательно бы какую-нибудь русскую книгу. Знаете что, придите завтра, мы приготовим что-нибудь.

Курт вдруг вспомнил, что у него во внутреннем кармане лежит случайно захваченная им записная книжка русского. Боясь потерять надежду на работу, он торопливо достал ее.

— Вот, вспомнил,— заторопился он, с тревогой думая только о том, что до завтра кто-то успеет занять место, которое ему могут сейчас предложить. Курт виновато улыбнулся, раскрывая книжку.— Я сперва прочту по-русски, а потом переведу,— и, не дожидаясь ответа, начал читать:

— «Санит» может облегчить труд человечества во много раз, если удастся найти синий луч.— Глядя в текст, Курт перевел прочитанное.

Шварц и Крузе заинтересованно переглянулись.

— Вы ее всю прочли? — спросил Крузе.

— Нет. Последние страницы написаны очень неразборчиво. Я прочел вот до сих пор,— Курт полистал страницы до середины книжки.

— Вы что, по ней учились читать? — Шварц усмехнулся. — Интересно... Разрешите посмотреть? — он взял

засаленную, сильно потрепанную, в зеленом переплете записную книжку, повертел ее перед глазами. Наугад открыл. — Здесь какая-то формула... Что он, химик?

Курт пожал плечами.

— Я подобрал ее... взял у одного раненого русского после штурма шахтерского городка на Донце. Кто он был, я не знаю.

Шварц передал книжку Крузе, сказал:

— Полюбопытствуйте, — и обернулся к Курту. — Господин Винер, нам все ясно. Мы предлагаем вам работу переводчика в лагере для перемещенных лиц. Согласны? Оклад — выше чем у любого специалиста на заводе. Сейчас возьмите в приемной бланк, дома его заполните и принесете его к нам завтра. Пожалуйста, прошу! — Шварц вышел из-за стола и, взяв Курта за локоть, направился с ним к двери.

Курт беспокойно оглянулся на зеленую книжечку, хотел попросить ее назад, но Шварц раскрыл перед ним дверь в приемную. Там все, как по команде, встали:

— Фриц, оформить Винера переводчиком!

— Слушаюсь!

— До завтра, господин Винер,— Шварц быстро закрыл за собой дверь.

Курт, получив две анкеты, спешил домой с радостной вестью — наконец-то он нашел работу!

* * *

Оставшись одни, Шварц и Крузе многозначительно переглянулись.

— Еще один объект русских выяснен,— проговорил Шварц.— Да и второй, в тайге, тоже примерно известен.

— Надо осторожнее вести дело,— сказал поднимаясь Крузе.— В печать русских просочились сведения, что в западных зонах путем опроса военнопленных немцев собираются разведывательные данные. Попросту говоря, кто-то занимается шпионской работой. Нашей компании не хотелось бы быть названной. Это не хорошо действует на общественные нервы.

— Я понимаю,— склонил голову Шварц. Потом, посмотрев на записную книжку русского, спросил: — Есть там что-нибудь интересное?

— Нет, по-моему,— ответил Крузе.— Это похоже — мечты какого-то чудака. Последние десятилетия они все мечтали... Расписывает, что можно построить в России...— Он подошел к стене, отдернул штору, посмотрел на карту Советского Союза.— Богаты они! Если бы не разрушили им промышленность в этой войне, они бы далеко шагнули!

— Теперь не скоро станут на ноги,— щуря глаза, махнул рукой Шварц.— Донбасс разрушен, Криворожье — тоже. Вы можете быть спокойны, их гиганты по выплавке металла взорваны, они обратятся за металлом к вам.

— Пока они еще раздумывают. Но ничего, без нас они не обойдутся! Самим им хватит восстанавливать на пятьдесят лет.— Крузе нажал кнопку. Из боковой двери быстро вошел человек. Крузе подал ему записную книжку русского, сказал: — Возьмите. Перефотографируйте. Размножьте отпечатки и выдайте всем отделам, пусть посмотрят и доложат.

— Слушаюсь! — служащий вышел.

Шварц тяжелым взглядом посмотрел на Крузе, глухо спросил:

— Неужели вы будете помогать русским?

— При одном условии, да! — улыбнулся Крузе.

— Каком?

— Свободные границы их страны, концессии на нефть, золото. Поиски новых месторождений с правом свободной эксплуатации.

— Не разрешат. Не согласятся они.

— Голод промышленности, господин Шварц, подскажет им сделать это... Идут же на это французы и англичане? Пойдут и русские. Когда умолкли пушки, мы решаем, что делать!

— Нет... русские решают все по-своему.

— Хм... — насмешливо улыбнулся Крузе. — Здорово они вас напугали. Правда, наша компания от этого не в убытке, тем более, если учесть, что русские примут наши условия... — Он помолчал. — Кстати, знаете что? Книжку русского вы завтра верните. Скажите Винеру, зачем вы ее оставили... Да, да! Так и скажите.

— Слушаюсь! Но в ней может быть что-нибудь полезное?

— Это посмотрим мы... сами.

— Слушаюсь!

Крузе, не прощаясь, вышел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Курт Винер три месяца работал переводчиком в лагере для перемещенных лиц. Рано утром он приходил в помещение комендатуры. Потом являлся помощник коменданта. Ровно в десять часов утра начинался прием жителей лагеря.

Комната, где происходил опрос, была просторной и богато обставленной. Вошедшего сюда приглашали присесть в мягкое кресло или на диван. Предлагали почитать газеты, просмотреть журналы, изданные специально для перемещенных лиц. Потом беседовали. Ответов здесь не записывали — на столе перед помощником коменданта не было даже листка бумаги. Курту не приходилось вторично встречать в лагере людей, изъявивших желание вернуться в Россию или выбравших местожительства за границей. Ему казалось, что все они покинули лагерь. Он представлял, как многие из них уже встретились с семьями, а другие обосновались где-то на новом месте.

Но как-то Винер зашел в комнату, где производился

опрос, раньше обычного. В ней никого не было. Он полистал журналы. С больших страниц на него смотрели изможденные лица, провалившиеся в орбитах глаза голодно блестя, а одеянием этим людям служила страшная рвань.

«Неужели это правда? — вновь подумал Курт. — Неужели русские так обращаются с вернувшимися на Родину?»

Он вспомнил, что писали фронтовые немецкие газеты о пленных у русских и как он жил в плену, и ему не верилось, что так поступают в России с перемещенными лицами. Ведь даже с эсэсовцами, которые жгли и терроризировали мирное население, русские обращались хорошо и, только выявив преступление, отдавали их под суд. А сейчас возвращались свои, угнанные силой оружия... Как же так? Ведь это фотографии? И под ними фамилии людей, когда-то бывших в этом лагере и уехавших в Россию?..

Курт, тяжело вздохнув, закрыл журнал. Доставая из кармана сигареты, он уронил мундштук. Тот, ударившись о пол, закатился за кресло в углу, на котором иногда сидел Крузе. Винер нагнулся и, не обнаружив мундштука, отодвинул кресло. За ним оказалась небольшая дверка в стене. Курт, быстро оглянувшись, раскрыл дверку. В большой нише стоял магнитофон.

«Так вот почему мы не ведем записей! — вдруг догадался Курт. — Все записывается на пленку».

Торопливо поставив кресло на место, Курт поспешно вышел на крыльцо. Облегченно вздохнув, радуясь, что его никто не застал около магнитофона, он посмотрел на окружающее его уже другими глазами.

Для чего лагерь обнесен этой высокой железной сеткой? Для чего по загнутым внутрь лагеря концам трубчатых стоек протянута колючая проволока? Почему лагерь охраняется полицией? Почему живущие здесь люди не могут свободно ходить по Берлину?

Курт сошел с крыльца и медленно зашагал по чисто подметенной дорожке мимо бараков. Выкрашенные в зеленый цвет, похожие один на другой, они растянулись ровными рядами на большой территории. Дойдя до просторной площадки, посреди которой высилась трибуна, Курт остановился. Сюда же спешили жители лагеря. Шли все — и молодые, и пожилые, и совсем старые мужчины

и женщины, подходили подростки, бежали дети. Вскоре собралась большая толпа. Привалившись спиной к дереву, Курт стал внимательно наблюдать за происходящим.

«Как же так получается,— подумал он,— сколько людей изъявили желание вернуться в Россию, а в лагере народа ничуть не уменьшилось? Новые приходят? Откуда? Остальные лагеря за Эльбой. Не везут же всех сюда, чтобы узнать их желание?..»

Из ближайшего барака вышел высокий бородатый старик. Увидев его, Курт вздрогнул. Как так? Ведь месяц назад он переводил ответы этого старика помощнику коменданта Флику. Да, Курт хорошо помнит это. Старик назвался мастером-сталеваром. Да, Флик обещал немедленно отправить его в Восточную зону. Почему же он здесь?.. Курт шагнул наперерез старику и, загораживая дорогу, спросил:

— Послушайте, господин... я не помню вашей фамилии, но почему вы до сих пор в лагере?

Старик пристально посмотрел на Курта, признав в нем переводчика, нахмурился. Потом, обойдя его, спросил:

— А где же мне быть?

— Вы хотели уехать в Россию. Вы передумали?

Старик еще пристальнее посмотрел на Курта. Тот растерянно и как-то обиженно улыбнулся.

— Мне отсюда можно уехать,— старик поднял большую руку,— только туда! — махнул на запад и тотчас замешался в толпе.

Курт тревожно шагнул за ним и почти столкнулся с коренастым, суровым, седым русским. Он, видимо, внимательно слушал разговор Курта со стариком. Курт, искав взглядом старика и не найдя его, отошел к дереву.

Около микрофонов появился хорошо одетый оратор. Жестом человека, привыкшего к трибуне, он оперся руками на край и громко заговорил:

— Господа! В сорок первом году, раненный, я попал в плен к немцам. Чудом мне удалось бежать в Англию. Я, пожалуй, рассказал бы вам об этом очень подробно, но это очень длинная история! — Он провел ладонью по лбу, убрал прядь волос, свесившуюся вниз, и посмотрел в сторону, словно искал стакан с водою. — Короче говоря, перебрался я в Англию. И вот там меня разыскал вербовщик одной металлургической компании из Америки. Я тогда, как и вы теперь, господа, не мог поехать за оке-

ан. Далеко уж очень. Долго думал. Хотел в английскую армию вступить, не взяли. Военнопленные, мол, не имеют права воевать в этой войне, жди, мол, другой...

По толпе прокатился недобрый смешок. Курту вдруг показалось, что он где-то уже видел этого оратора.

— Поехал я за океан. Поступил работать на завод. Мне предлагали дом, землю, сад и прочее да я... понимаете, не крестьянин, я сталевар, отказался осесть на землю. А вообще, в рассрочку все поместье предлагали... Так вот, я на заводе работаю. Заработок мой — лучше желать не надо. Сыт, обут, одет. В этом году взял отпуск, приехал во Францию. Случайно встретился с вербовщиком, который меня в Англии завербовал... Вот, бывает же такое, гора с горой не сходится, а человек с человеком встречается. Ну, попросил он меня рассказать обо всем, а то будто вы... сомневаетесь. Боитесь, что, пожалуй, обманут вас. Вот, что зря, то — зря. Вернетесь домой, как будет, кто его знает. Пишут всякое, ну, а как говорят, нет дыма без огня. Может, не сошлют в Сибирь... а там, кто его знает, как оно обернется?..

Толпа стояла притихшая. Такого еще не было здесь оратора. Обычно — стращали, угрожали, а этот — будто советует, раздумывает вместе со всеми.

— Вот, я и говорю, надо ехать без промаха! — поняв настроение толпы, заторопился оратор. — Чтобы жить хорошо. Самому и детям! Один раз живем, где приютили — там и родина!

— Где в России жил? — крикнул коренастый, седой русский.

— Я-то? — усмехнулся оратор. — Сам-то я вятский, — начал он.

Курт наконец вспомнил, где он видел этого человека. Ведь это был покупатель его пальто на базаре около рейхстага. Как же так, тогда он выдавал себя за немца, а теперь за... русского?

Кто-то, стоявший ближе к трибуне, перебил оратора:

— Так вы работали в Самаре что ли?

— Да, да! — подтвердил оратор. — Завод там, ого какой!

— Врешь! — оборвал его кто-то. — Там нет металлургического завода.

Толпа глухо зашумела.

— Брешет и этот!

— Того же поля ягодка!

— Власовец, сволочь!

— Предатель!

Около трибуны над толпой поднялись кулаки. Оратор с опаской отодвинулся вглубь трибуны и сразу весь как-то осунулся, сжался, будто нахальный пес после пинка. У микрофонов появился один из помощников коменданта.

— Господа, прошу соблюдать спокойствие! — Голос его, не повторенный выключенными репродукторами, доносился глухо, издалека, но угрожающе и зло.

Толпа забушевала:

— Давайте советского представителя!

— Откройте лагерь, мы сами разберемся, куда идти и ехать!

Помощник коменданта поднял руку, требуя тишины. В толпе зашныряли какие-то подозрительные, проницательные личности, стараясь пробраться к кричавшим у трибуны. Но около тех плотно сдвинулись соседи, и попытки этих подозрительных людей пробиться к ним не увенчались успехом.

— Господа! — вдруг рявкнули все репродукторы, и, как показалось Курту, это заставило притихнуть собравшихся. — Нам известно, что среди вас есть ярые коммунисты, которые подстрекают вас к возвращению! — гремело со всех сторон, заглушая рокот толпы. — Мы их не держим! Мы откроем для них ворота, пусть они назовут себя!

И снова закричали в толпе:

— Старая песня!

— Где те, которые называли себя коммунистами?!

Курт, взглянув на часы, торопливо покинул площадь. Помощник коменданта Флик ожидал его на крыльце. Он улыбнулся Винеру, предложил ему сигарету, спросил, все ли в порядке дома.

— Да, да! — взволнованный только что виденным, ответил Курт. — Благодарю, господин Флик.

Не успели они еще занять свое рабочее место, как дверь распахнулась, и в комнату вошел коренастый, седой русский. Курту почему-то показалось, что русский шел за ним. Русский быстро прошел к столу и, не обращая внимания на жест Флика, приветливо приглашавший присесть, громко и отчетливо сказал:

— Я прошу отпустить меня из лагеря!

— Простите, ваша фамилия? — остановил его Флик.

Не дожидаясь, когда Курт переведет ему вопрос Флика, вошедший ответил:

— Это я отвечал сотни раз. В конце-концов, что зависит от того — Иванов я, или Петров? Я — русский и требую, чтобы мне представили возможность быть у русских!

— О-о! Да вы прекрасно говорите по-немецки! — воскликнул Флик. — Но я хочу сказать другое... Я еще не знаю случая, чтобы здесь задерживали кого-либо силой. Это, видимо, какое-то недоразумение. Я могу вас заверить, что вы завтра будете отпущены из лагеря, но... для этого необходимо оформить некоторые... соблюсти некоторые формальности, — улыбнулся Флик. Он, будто прося его извинить, развел руками. — Без этого нельзя. За каждого человека, находящегося здесь, администрация лагеря несет строгую ответственность. Вы числитесь в лагерном списке, и он передан Советскому Командованию, как же мы вас можем отпустить на все четыре стороны?

— Хорошо, записывайте. Я — Тропинин Борис Антонович. Житель Донбасса. Желаю вернуться на родину. — Тропинин из-под нависших бровей посмотрел на Флика. — Этих сведений вам достаточно?

— Еще один вопрос. Как вы попали в Германию?

— Меня взяли в плен.

— Вы служили в армии?

— Да.

— Почему же вы оказались среди гражданских лиц в нашем лагере?

— Я попал сюда из камеры гестапо.

— Ваша специальность?

— От этого зависит мое освобождение? — резко спросил Тропинин.

— Видите ли... я не имею права говорить вам об этом, но... — Флик помолчал, потом, как будто поборов нерешительность, тихо продолжал: — Понимаете, сейчас советские представители в первую очередь требуют освобождения из лагерей перемещенных лиц, имеющих специальности горняка, металлурга, геолога.

Тропинин внимательно слушал Флика. Но Курту казалось, что русский все время наблюдает только за ним.

— Да это, кажется, и понятно, — Флик достал пачку сигарет. — Нужно восстанавливать промышленность, без

нее — как без рук, а транспортировка из Германии — сложная штука. — Он, пододвинув к краю стола сигареты, предложил: — Закуривайте.

Борис Антонович протянул руку. Она вся была в глубоких шрамах, а из-под рукава виднелись на запястье следы от наручников. Курт еще в плену слышал, что у него на родине заковывают советских людей в кандалы, и не верил этому.

— Это... здесь? — тихо спросил Курт Тропинина, кивком головы показывая на руку.

Тропинин рукавом прикрыл запястье.

— Да, — пуская клубы дыма, он постарался на несколько мгновений скрыть свое лицо от сидящих за столом.

А на лице его отразилось все сразу: и желание немедленно вырваться из лагеря, и недоверие к немцу-переводчику, и раздумье над словами Флика. Неужели он говорит правду? Тропинин слышал об этом в лагере. Он слышал, что некоторые, назвав себя сталеварами, были немедленно отправлены из лагеря. Но ходили слухи, что попадали такие люди не к своим, а за Эльбу, в какой-то особый лагерь. За долгие годы, которые Тропинин провел в Германии, он привык больше верить тем, кто делил с ним горькую участь заключенного, а не тем, кто вел опросы. И сейчас, хотя перед ним сидел не гестаовец, а человек, в какой-то степени имеющий отношение к армии союзников (лагери контролировались армейскими командирами), он твердо ответил:

— К сожалению, я не имею такой специальности. Я каменщик.

— Жаль, господин Тропинин. Придется вам побыть у нас, пока ваши согласятся брать всех без разбора. Я ничего не могу поделать, — Флик сочувственно улыбнулся. Потом, глядя на Тропинина, попросил: — Только вы, пожалуйста, об этом никому не говорите из своих друзей. Требование советских представителей не подлежит разглашению, но... уж очень, видимо, вы натерпелись в Германии... Так рветесь домой. Я понимаю, понимаю, любой на вашем месте тоже волновался бы. Поди, дома семья?

— Была.

— Да вы садитесь, господин Тропинин. Вы не писали из Германии?

— Нет.

— Жена, дети — ничего не знают о вас? Вы уже написали, что живы-здоровы?

— Думаю приехать сам,— бросил Тропинин. Круто повернувшись, на какую-то долю секунды задержал взгляд на лице Курта и быстро вышел.

Курт долго молчал, наклонив голову. В ответах русского он почувствовал жгучую ненависть к немцам и недоверие к администрации лагеря. Хотя Флик был немцем, но на нем хорошо сидел мундир службы лагерей перемещенных лиц, и Тропинин принял его за представителя союзной армии. Почему он не доверяет? Разве на это есть причины?

— Курт, что с тобой? Ты сегодня какой-то странный. Что случилось? — Флик передвинул массивную чернильницу на столе, подумал: «Зачем Крузе знать о нашем разговоре?» Внимательно посмотрел, как стоит чернильница, еще раз убедившись, что магнитофон выключен, весело улыбнулся.— Работа у нас с тобой не тяжелая, платят хорошо, чего тебе еще надо?

— Скажите, Флик, отпускают из лагеря русских? — Курт поднял голову, глухо произнес: — Отпускают на родину?

Флик внимательно поглядел в мрачное лицо Винера, подошел к нему, положил руку на плечо, потом быстро вернулся к чернильнице, еще раз посмотрел, как она стоит, и, убедившись, что магнитофон выключен, все же тревожно кинул взгляд на кресло у стены, где утром Винер искал свой мундштук. Оно было пустым, и Флик спокойно заговорил:

— Конечно отпускают, Курт! Зачем лишние рты союзникам русских, за которыми еще надо и смотреть? Неужели ты этого не понимаешь? — Флик прошел к окну, отстранив портьеру, взглянул на раскинувшийся лагерь, задумчиво сказал: — У тех, кому мы с вами, Курт, служим сейчас, в этом лагере очень и очень мало союзников, ближе им... мы, немцы! — Флик резко обернулся, в голосе его зазвучала злость.— И не будущие немцы, не потсдамские, а такие, какими недавно мы были! — он скрипнул зубами.— Они не знают России, а то бы не довели войну до такого конца. Они думают, что победили обоих сразу: и нас и Россию! Черта с два! Они думают, что русские станут на колени и будут просить милости, соглашась на любые условия... Идиоты! В России металла

плавают больше, чем до войны, угля добывают больше, нефти...

Курт, вспомнив о магнитофоне, побледнел, вскочил:

— Я прошу... господин Флик, не надо об этом,— он оглянулся на кресло.

Флик, перехватив его взгляд, подумал:

«Он знает о магнитофоне? Откуда? Неужели он прислан следить за мной? Возможно... поэтому он и завел этот разговор? Надо оградить себя».

Флик сел за стол, положил руку на чернильницу, подвинув ее на прежнее место — включил магнитофон, и спросил:

— Так ты, Винер, сомневаешься, что русские в первую очередь отбирают сталеваров, горняков, геологов? — Он еле сдерживал радость от того, что во-время спохватился. В случае чего, он сошлется на этот разговор, записанный на пленку. — Сомневаешься, Курт? — повторил Флик.

— Нет, нет, господин Флик! От них... от них всего можно ожидать,— испуганно выдавил Курт.

Флик выключил магнитофон, улыбнулся: Винер не следит за ним, он только боится потерять работу. И, видимо, случайно узнал о магнитофоне за креслом.

— Курт, что ты делаешь вечерами?

— Я? Читаю... сижу... так просто... сижу.

— Хочешь, я тебя сведу с хорошими парнями, а? Все они бывали на фронте, однополчане. Хочешь?

— Нет, нет...

— Ну, дело твое! — беззаботно ответил Флик и, направляясь к двери, добавил: — Видимо, сегодня никого больше не будет, пойду поболтаю с кем-нибудь.

Курт со своими тяжелыми мыслями остался один. Потом, будто почувствовав на себе чей-то взгляд, оглянулся на пустое кресло у стены и, осторожно ступая, вышел на крыльцо.

... Через несколько дней Флик сообщил Винеру, что Тропинина отпустили из лагеря: русский заявил, что он сталевар. Навалившиеся на Курта сомнения рассеивались, тем более, что, обходя лагерь, он не встречал больше коренастого седого русского и ни разу не видел бородастого старика.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Крузе оторвался от бумаг, которые он внимательно читал. Взял сигару, задумался.

«А что, если догадки помощника верны? Что, если...» — он беспокойно поднялся, подошел к окну.

Неделю тому назад его помощник, химик по образованию, после тщательного изучения копии записной книжки русского, отобранной у Винера, доложил о своих предположениях. По мнению помощника выходило, что это не мечты чудака, а записки геолога. «Санит» — вновь открытый металл. Помощник утверждал, что «санит» ускоряет процессы плавки металлов. Данные разведки о производстве чугуна и стали, которыми располагал Крузе, подтверждали эту догадку. Ведь весь запад России был разрушен немцами, а металла выплавляется больше. Наверное, здесь была разгадка этой давнишней задачи разведки его компании. Хорошо еще, что они предусмотрительно задержали не одну сотню металлургов, шахтеров и геологов в лагерях перемещенных лиц. Если удастся задержать их на год — это немалый выигрыш, еще лучше было бы перевезти их в другие страны.

И все же в докладе помощника главным было не это. Конечно, перехватить секрет необходимо, чтобы он не попал в руки конкурентов. Этим надо заняться. Но как быть со второй догадкой? При действии на «санит» раствором серебристого цвета он излучает синий луч. По формуле, записанной в книжке русского, в лаборатории составили раствор. Он был серебристого цвета, но при действии на обычные металлы ничего не давал. По описаниям геолога «санит» имел направленный взрыв. Сотой доли грамма было бы достаточно, чтобы пробить туннель в горах. Вот если «нечаянно» обронить крошку этого металла с каплей раствора... ну, хотя бы на металлургическом заводе конкурентов...

Если предположения помощника правильны и удастся узнать, что это за металл «санит», он, Крузе, будет руководить не разведкой здесь, а компанией. Какие перспективы! Тогда он наверное попадет в конгресс... А может быть и в президентское кресло в Вашингтоне? Может быть. Только надо действовать. Немедленно!

Крузе подошел к столу, вызвал Шварца.

— Принесите запись беседы с Винером. Да, да. Сейчас

же! — положив трубку телефона, Крузе вновь прошелся по кабинету. «Помнится мне — этот немец взял книжку у раненного русского. А что, если этот геолог в нашей зоне? — Остановившись, он помолчал и опять принялся ходить от стенки к стенке. — Вряд ли раненый дотянет до Германии, немцы не возили их сюда».

Вошел Шварц. В руках у него были листки.

— Вот, пожалуйста, — протянул он листки.

Крузе быстро пробежал глазами написанное. Потом начал читать вслух:

— «Я подобрал ее... взял у одного раненного русского...» — Крузе поднял взгляд, недовольно посмотрел на Шварца, спросил: — Могли вы завезти в Германию раненного русского?

— Нет! — усмехнулся Шварц.

— Идиоты! Черт бы вас побрал! Этого надо было привезти! Надо было! — Он стукнул кулаком по столу. — Вы ничего не понимаете! Вы — немцы, грубый народ. Потерять такого... Эх, вы!

Шварц, пряча вспыхнувшую в глазах злобу, пожал плечами.

— Идите! — приказал Крузе.

Когда Шварц вышел, Крузе сел за стол, обхватил голову руками и долго просидел не шевелясь. Потом, пододвинув копию записной книжки геолога, принялся тщательно рассматривать каждую страницу.

Кто он, этот геолог? Где жил? Там, где у него взята книжка Винером, или где-то на Донце? На Донце... Тысячу километров тянется эта река, попробуй поищи. Если бы знать фамилию геолога, тогда можно было бы начать поиски здесь или в том городке, где у него отобрана книжка. Но одно ясно, что только через него можно узнать о «саните» и о синем луче.

Крузе перелистал почти все страницы, вздохнул и вдруг на одной из страниц обратил внимание на зачеркнутую строку.

Крузе схватил резинку, легонько провел по строке и со злобой швырнул резинку: она заскользила по бумаге.

«А что, если... — Крузе тяжело дышал от охватившего его волнения. — Если здесь его фамилия? — Он торопливо начал листать дальше. — Ага, вот еще такая строка! Еще. Нужен оригинал. Немедленно!» Шварц! — закричал он.

Потом, прикусив губу, успокоился. Медленно снял телефонную трубку, тихо произнес: — Шварц, зайдите ко мне.

* *
*

Флик сидел в комнате, где производили опрос. Дымя сигаретой, гадал, почему до сих пор не пришел Курт. Такого с ним никогда раньше не случалось. Не разгадав причины отсутствия Курта, от безделья стал прикидывать: как сложится его судьба?

Флик служил при Гитлере в гестапо. Когда шли бои на Зееловских Высотах, можно было убраться на запад, но он, боясь расстрела, грузил архивы, участвовал в уничтожении заключенных в застенках. А потом русские так стремительно окружили Берлин, что выбраться из него можно было только на самолете. Флик не имел в своем распоряжении самолета. До прихода западных армий в Берлин он скрывался, ежедневно меняя место жительства, боясь, как бы его не опознали. Потом, когда образовалась Западная зона, стал появляться на улице. Здесь его встретил Шварц и предложил работать в лагере для перемещенных лиц.

— А на меня ваши новые союзники,— Флик показал на шею,— не наденут галстук?

— У тех, кому ты будешь служить, — никогда! — усмехнулся Шварц.

Так Флик попал в комендатуру лагеря. Жилось неплохо. Но в лагере становилось все меньше и меньше народу. Последнее время особенно участились отправки перемещенных. Оставались только те, которыми интересовалось бюро по найму рабочей силы на улице Бисмарка, 8. Флик давно догадался, чем занимается Шварц. Он знал, что этого русского — Тропинина — сперва задерживали потому, что он был взят в каком-то городе в особо секретном гестаповском застенке, потом из-за того, что не могли узнать причины заключения его туда. За каждым шагом Тропинина следили, к нему подсылали агентов. На вопрос, за что он сидел в застенке, Тропинин отвечал коротко: «За побег из концлагеря». Он дважды пытался бежать из лагеря, но неотступно следовавшие за ним агенты проваливали побег. Он требовал, чтобы его освободили. Пытался передавать записки на волю, но все они попадали к Шварцу.

От Шварца Флик слышал, что Тропининым интересуется сам Крузе. По всем архивам гестапо велись розыски дела Тропинина. Но пока оно не было обнаружено.

* *
*

Тропинину приносили в комнату все, что он хотел: газеты, журналы, книги. Выдавали добавочный паек, хотя он раздавал его детям или семейным. Время от времени его пытались ласково выпрашивать. Присутствие Крузе было обязательным. Глядя из-под черных, круто нависших над глазами бровей, Тропинин отвечал немногословно, а то и вовсе молчал. Как-то раз, выведенный из терпения, Крузе вспылил и начал кричать на русского. Насмешливо посмотрев на него, Тропинин спокойно ответил:

— Не сорвите голос, кричать нечем будет. А потом... не вы первый так кричите. У меня привычка — не обращать внимания на это.

После этого разговора Крузе приказал усилить надзор за русским. Шварц, посмеиваясь, рассказывал, что Крузе рвет и мечет от злости.

Флик покачал головой.

Русские? Сколько их, вот таких? Ему приходилось встречаться с ними на прежней работе в гестапо: слова не вытянешь. А допрашивали, бывало, и с огоньком. Все равно молчали. Попадались такие и немцы. Коммунисты. Точно такие же. Сейчас не хотел бы Флик встретиться хотя бы с одним из тех, кого он в то время допрашивал.

В комнату торопливо вошел Винер. Продолговатое лицо Курта было бледное, измученное, будто он перенес какое-то страшное потрясение.

— Что случилось, Курт? — забеспокоился Флик, подумав, что Курта, может быть, допрашивали и интересовались ним, Фликом.

Винер устало опустил на свое место, тихо попросил:

— Господин помощник коменданта, я прошу извинить меня за опоздание. Я отработаю пропущенное время. Я очень прошу...

Флик удивленно разглядывал Курта. Он обратил внимание на его старенький солдатский френч, на разбитые сапоги.

— Что это за маскарад? — улыбнулся он.

— У меня больше ничего не осталось.

— Как?!

— Сегодня ночью бандиты совершили налет на мою квартиру и забрали все вещи.

— Когда? Как это произошло? Расскажите подробно.

— Ночью. Взломали дверь. Связали меня, жену, дочурку...— И Курт подробно рассказал о ночном налете на его квартиру.

Винер только одно утаил, в чем даже себе боялся признаться. В главаре бандитов он узнал служащего из конторы Шварца. Он был в полумаске, но когда рылся в ящиках стола, свет падал ему на лицо, и Курт разглядел черную родинку в крутой ложбинке посреди подбородка. Курт так хорошо запомнил ее в ту пору, когда сдавал заполненные анкеты в конторе на улице Бисмарка, 8! Проверая записи, служащий бюро тогда гладил эту родинку указательным пальцем левой руки, и Курту казалось, что если служащий неосторожным движением причинит себе боль, все пропало: у него испортится настроение, и Курт останется без работы. Ему тогда даже хотелось отвести руку служащего от его же подбородка... Сегодня ночью, когда в руках бандита оказалась записная книжечка русского, он схватился левой рукой за подбородок и погладил черную родинку в крутой ложбинке. Ошибки быть не могло. Но как сказать господину Шварцу, что его служащий бандит? Это опорочит контору, и его, Курта, постараются, конечно, убрать. Остаться без работы, особенно сейчас, когда в квартире голо, было бы безрассудно. И Курт Винер не упомянул о служащем бюро.

— Надо заявить полиции,— предложил Флик, сочувствуя опечаленному Курту.

— Вы думаете поможет?

— Возможно. Я попытаюсь попросить коменданта.— И Флик быстро вышел.

Вскоре он вернулся. А через час им позвонили из полиции.

— Господин Винер, можете забрать свои вещи.

Курт радостно улыбнулся, спросил:

— Все целы?

— Этого мы не знаем. Проверите сами.

— А грабители? — испуганно спросил Курт.— Арестованы?

— Бандиты скрылись в Восточной зоне.

— Большое вам спасибо! — Курт осторожно положил трубку, поднялся. — Господин Флик, разрешите идти по-лучить? Я скоро. Мне так нетерпится узнать, все ли цело.

— Конечно! Что за разговор, Курт, — утешил Флик. — А все же хорошо, что охраняется восточная граница, а то бы поминай как звали твои вещи. Ведь на самой границе отбили.

— Да, да. Хорошо, — торопливо согласился Курт.

Винер был уже около двери, когда вновь зазвонил телефон. Флик поднял трубку.

— Да. Слушаюсь! — Он положил трубку, весело сказал Курту: — Ну, дружище, тебе везет, а ты было совсем нос повесил. Зайди в контору, вещи доставили туда и... комендант отпускает тебе пару тысяч марок в помощь. То-то!

Растерянно улыбаясь, Курт вышел.

Вещи оказались почти все. Они были в двух узлах, связанных еще в квартире Курта. Не хватало только часов, взятых главарем бандитов. Вернувшись домой и немного успокоившись, Курт вспомнил об унесенной бандитами записной книжке русского. Ему стало жалко ее. В лагере для военнопленных у русских он не раз вспоминал бой за маленький городок на Донце, где погиб его брат и где он, Курт Винер, невзирая на строгий приказ расстреливать всех штатских, захваченных в окопах и блиндажах, впервые нарушил его и оставил русского в живых. Читая записи русского, Курт с грустью вспоминал погибшего брата. Тот часто и горячо мечтал о том времени, когда химия будет служить только мирным целям, а не войне. Иногда ему казалось, что это записи брата... В плен он попал, уже прилично владея русским... А здесь? Только благодаря тому, что хорошо знает русский язык — он имеет работу... Курт никогда не расставался с записной книжкой русского и только совсем недавно, боясь вконец истрепать ее, переложил из кармана в стол. И вот она исчезла... Курт, вспомнив брата, грустно вздохнул.

— Выкинут они ее. Зачем она им? — тихо проговорил Курт и подумал: «Бандиты с Восточной зоны...» Он обернулся к жене. — Видишь, Анна, как хорошо, что зона охраняется. А ты ругаешься, что в Восточную зону не пускают.

— Там живет моя сестра, не могу же я бегать за пропуском каждый раз, когда мне надо увидеть Лотту?

— А, сестра, сестра!—недовольно воскликнул Курт.— Если бы не отбили наши вещи на границе, что бы ты тогда говорила? И вообще, что там делает твоя сестра? Меня уже спрашивали об этом. Ты хочешь, чтобы я потерял работу? Зачем ты бегаешь к ней?

— Что она делает? Работает. Там все работают.

— Все? Скажешь такое!

— А ты больше слушай Флика! Он тебя научит всему.

— Анна, не смей при мне так говорить о моем начальнике! Я не хочу потерять работу.

...Крузе ожидал в кабинете результатов восстановления зачеркнутых строк в записной книжке русского, взятой сегодня его агентами у Курта Винера.

Только далеко за полночь из лаборатории сообщили, что удалось восстановить фамилию владельца книжки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тропинин сидел в комнате барака, углубившись в свои невеселые мысли. Попытки бежать из лагеря проваливались. Видимо, ни одно из писем в адрес Советского Командования не достигло цели.

«Что делать?» Сколько раз Борис Антонович задавал себе этот вопрос и каждый раз, думая, каким секретом обладает он, находил новые силы, чтобы продолжать борьбу.

Все началось с того, что кто-то из предателей, опознав его в лагере военнопленных, донес оккупантам о его научных работах в области геологии. Тропинину предложили работать в Донбассе. Он наотрез отказался. Ему угрожали. Потом пытали в застенках гестапо. Ничего не добившись, фашисты отправили его в Освенцим. По дороге в лагерь Тропинин бежал из эшелона, но был пойман, избит и снова брошен в вагон.

Измощенного, больного сыпным тифом, его привезли в Освенцим. Что было дальше, он понял значительно позже. Когда после продолжительной болезни Тропинин открыл глаза, он был поражен тишиной и обилием людей около его постели.

— Где я? — еле слышно прошептал он.

Все облегченно вздохнули, заулыбались. У Тропинина от радости посветлели глаза, но у него не было сил даже на улыбку. Услышав чужую речь, он вдруг все припомнил. И ему стало страшно. Страшно оттого, что он не понимал, почему его лечат в этой прекрасной палате, почему фашисты, а он не сомневался, что это были они, обрадовались, когда он пришел в себя? Было непонятно и поэтому страшно.

С каждым днем он набирался сил. Бориса Антоновича хорошо кормили, были предупредительны. Если бы фашисты истязали Тропинина, ему было бы легче. «Почему они так относятся ко мне? Что сделал я для них?» Ничего не понимая, он целыми днями ходил по палате.

Как-то к нему в палату вошел высокий, статный, начинающий сесть врач. Холеная бородка клинушкой, небольшие нитки усов, добродушный взгляд — сразу бросились в глаза. Присев к окну, он долго молча смотрел на настороженно застывшего около тумбочки Тропинина. Потом радушно улыбнулся, весело заговорил по-русски:

— Вижу, наконец-то вы поправились. Теперь можно и поговорить. Думал, что не удастся отвоевать у бога вашу душу, но нет, вытянули! Ждал, ждал я этого дня. Мучает меня один вопрос. Давно мучает. — Он помолчал, продолжая улыбаться. — Борис Антонович, скажите, пожалуйста, почему вы отказались работать... — Он пожевал тонкими губами так, словно у него во рту была масса слов и он выбирал самые нужные, переворачивая их медленно и с усилием. — Отказались работать на немцев? Конечно, вы заговорите о долге перед родиной, о том, что вы окончили институт при советской власти. Все это так, все это абсолютно правильно! Но? Не кажется ли вам, что вопрос с Россией решен?

Тропинин, наблюдая за говорившим, молчал.

— Посмотрите на карту. Днями решится судьба Москвы. А вы прекрасно понимаете, что история войн очень проста: пала столица — перестает существовать государство! — Врач волнуясь поднялся, но не подошел к Тропинину, а облокотился на подоконник. — Если не считать похода Наполеона, то так всегда было. Тем более теперь, когда половина России в руках неприятеля. Да какая половина! Хлеб, уголь, металл, машины!.. Да, извините, пожалуйста. Меня так волнует встреча с вами,

что я даже не сказал — кто я. Я, Горчаков Георгий Игнатьевич, русский. Правда, помимо моего желания, а по воле родительской я вырос в Германии. Тут же получил образование и стал врачом. Вот коротко о себе. О вас я знаю, что вы геолог, автор нескольких научных трудов. Мне этого предостаточно. Но мне хочется выяснить мучающий меня вопрос. Можно задать его вам?

— Если он связан с моим решением не работать с немцами,— глухо сказал Борис Антонович,— то лучше не задавайте. Я не буду отвечать.

— Жаль. Вы хотите опять попасть в карцер? — поднял брови Горчаков. — Вот это меня и интересует. Почему? На что вы надеетесь? Притом, Борис Антонович, — Горчаков выпрямился, сделав шаг от окна, остановился, захватил в кулак клинушек бороды, — если бы вы были первым, я бы не спрашивал. Мне приходилось видеть здесь... — Он быстро взглянул на Тропинина, спросил: — Между прочим, вы знаете, что находитесь в Освенцимском лагере?

— Догадываюсь.

— Хорошо... Так вот, мне приходилось видеть своих соотечественников, молчавших в преддверьи смерти. Но то были люди небольшой культуры, узкого кругозора, и мне было понятно. Это был своего рода фанатизм людей, выросших на русской почве и не видящих без нее никаких перспектив в жизни. Так когда-то боролись голодные и нищие русские против татар. Это мне понятно. Но вы большой ученый! Талантливый человек. Изъявите желание, и вам предоставят лучшие лаборатории Берлина, вас будут печатать огромными тиражами, у вас будет имя! Имя мирового ученого. Наука не знает границ, она космополитична!

— Я не имею научных работ,— сказал Борис Антонович, в упор глядя на Горчакова.— Кто-то донес немцам чепуху.

Горчаков рассмеялся.

— Напрасно отказываетесь, Борис Антонович. Это я вам говорю как ваш земляк, я все же считаю себя русским. Немцы... грубый народ. Особенно поколение, воспитанное Гитлером и брошенное им на Россию. Но есть немцы ученые, философы, и они как-то еще влияют на жизнь Германии. Вот они-то не разбрасываются умными людьми. Они предлагают сотрудничать с ними. Они же

не одобряют... не одобряют методов, которыми порой заставляет сотрудничать с немцами военщина, любящая видеть в оружии панацею от всех бед и способ достижения всех радостей. Но пока они ничего не могут сделать, а военщина поступает по праву победителя. На войне, как на войне — без жестокостей не обойдешься...

— Пристреливать раненных пленных — это варварство. Дикое варварство, спланированное в Берлине, — сказал Тропинин.

Горчаков еле заметно побледнел. Приподняв руку, словно пытаясь предостеречь Тропинина от излишне резких выражений, он возразил:

— Борис Антонович, вы преувеличиваете. Это процессы со стороны отдельных солдат германской армии, жестоко пресекаемые командованием.

— Да? — насмешливо протянул Тропинин.

— Конечно! Ну, что вы утверждаете? Разве может приказать командование? Это пропаганда советских газет, чтобы русские солдаты не сдавались в плен.

— Я это видел сам. — Тропинин отвернулся от выхоленного лица Горчакова. — Мне больше не о чем с вами говорить.

— Хорошо, может быть, вы попали к таким озлобленным конвоирам. Ну, не будем об этом спорить. Ответьте мне на мой вопрос.

Тропинин промолчал, глядя мимо Горчакова.

— Я жду, — напомнил о себе Горчаков.

— Напрасно! — резко бросил Тропинин.

— Да?! — чуть повысил голос Горчаков. — Вы ошибаетесь! Мне есть о чем спросить вас, — он зло сверкнул глазами. — И вам придется отвечать. Если хотите, я буду краток. Мы понимаем друг друга. — Он шагнул от окна и, поймав взгляд Тропинина, в упор спросил: — Какой металл вы называете «санитом»? Отвечайте!

Тропинин закусил губу, чтобы не вскрикнуть. Из руки у него выпала сигарета. Осилив волнение, он усмехнулся:

— Первый раз слышу. Интересно, что это за металл? Вы, господин Горчаков, не знаете? Хотя, вы врач...

— Ну, ну! — оборвал Горчаков. — Второй вопрос... и учтите, ваш отказ может стоить вам жизни.

— Это я уже слышал. Задавайте вопрос.

— Что из себя представляет синий луч? — Горчаков из-под докторского халата медленно вытащил пистолет.

Держа его в руке, двинулся к Тропинину.— Говорите! Быстро!

Борис Антонович выпрямился, шагнул навстречу.

— Я ничего не знаю.

— Врешь! — прохрипел Горчаков, поднимая пистолет. — Ты расскажешь нам, почему у русских столько стали! Ты знаешь!

«Если бы наши знали о синем луче, я бы показал тебе, подлец! Задушил бы и сам перестал мучиться», — подумал Тропинин, сдерживая себя, и повторил:

— Я ничего не знаю.

Горчаков нажал на спуск. Раздался выстрел. Пуля просвистела мимо головы Тропинина.

«Гад, нарочно промазал», — решил Тропинин и шагнул вперед.

— Эй! — закричал Горчаков, отводя пистолет в сторону.

В палату вбежали два дюжих служителя.

— В карцер! — приказал Горчаков, пряча пистолет под халат.

Тропинина бросили в карцер.

С потолка глухой ниши, в которой можно было стоять только полусогнувшись, беспрерывно капала ледяная вода. Через несколько минут Тропинина колотила дрожь. Но он все же попытался собраться с мыслями и понять, что же известно фашистам о его открытии?

Тропинин перебирал в памяти события прошлых дней.

Первое, что он запомнил, когда пришел в себя в полуподвале в родном городке, — это луч фонарика, направленный ему в лицо, потом поспешное бегство немца. Поднявшись, он вышел на улицу. В этот момент рядом гнали группу пленных. Конвойный, заметя, что Тропинин вышел из блиндажа, около которого лежали убитые немцы, бросился к нему и прикладом затолкал его к пленным. В лагере Борис Антонович обнаружил пропажу часов и записной книжки...

«Неужели она попала в руки фашистов?» Но Тропинин хорошо помнил, что в последний день его работы в лаборатории, когда начался артиллерийский обстрел городка, он тщательно зачеркнул все строки, где было упоминание о нем, о его семье. Книжка была безымянная. И, если не считать формулы серебристой жидкости, в ней ничего не было научного, ему самому все это ка-

залось фантазией. Да оно так и было до самого последнего дня, ведь он записывал научно необоснованные догадки. Там было сказано о важности «санита» в металлургии? Да. Но потом все это не подтвердилось. Откуда же фашисты знают его первые предположения? Откуда?

«Так вот почему меня лечили,— с горечью подумал Тропинин.— Они хотят узнать секрет синего луча! Лечили, чтобы... лечили...» — временами теряя сознание от нестерпимого холода, повторял про себя Тропинин.

«Они знают, что я геолог... Видимо, им как-то стало известно о карьере на Донце...— вдруг догадался Борис Антонович. — Увезли в Германию... Да, да... в Германию отправили, чтобы заставить работать... А потом? Откуда у них мои названия «санита» и синего луча?.. А-а! Я что-то рассказал в бреду... А если они опять свалят меня в постель... и опять, бредя, я выдам «санит» и... синий луч?..»

Тропинин широко раскрытыми глазами уставился на волчок в двери.

«Умереть... Немедленно! — он резко отвел голову в сторону.— Разобьюсь о стенку!»

Но о синем луче знает только он один. «Как же быть?» Борис Антонович напряг все силы, пытаясь найти ответ. Перед его глазами встали близкие, знакомые, друзья. Знают ли они, как тяжело ему?.. А им легко?

«Нет! Я должен выдержать все!»

Тропинин, насколько позволяли размеры карцера, начал двигаться. Первым, что он попытался сделать, это найти такое положение для головы, чтобы крупные ледяные капли не попадали ему на темя. Они размеренными ударами сотрясали мозг, мутили сознание. Пришлось вытянуть шею, склонить голову на плечо, так капли вливались в щеку. От неудобного положения шея тупо заныла. Потом он начал сгибать и выпрямлять руки. Стоя на одной ноге, поднимать и опускать другую. Он рассчитал каждое свое движение и нашел положение, в котором одна часть тела отдыхала. Когда тюремщик подошел к волчку, Тропинин выпрямлялся и замирал. Капли, подобно молоту, били по голове. Стиснув зубы, кусая в кровь губы, Борис Антонович ждал, когда закроется волчок, через который наблюдали за ним.

На второй день надзиратель заметил, что Тропинин нашел положение, чтобы на него не попадали ледяные

капли. Загремела дверь. Борису Антоновичу заковали ноги в кандалы, на руки накиннули наручники и приковали к стене. От ледяных капель, вливавшихся, как жало, в темя, он вскоре потерял сознание.

Очнулся Тропинин в палате. Тяжелым взглядом повел вокруг. Увидел облокотившегося на подоконник Горчакова.

— Пришел в себя, дорогой Тропинин,— Горчаков покачал головой.— Теперь мы, наверное, заговорим?

— Подлец! — громко сказал Борис Антонович.

— Такие ответы меня не устраивают,— Горчаков резко выпрямился.— Убрать!

Еще сутки в карцере, и Тропинина снова поволокли на допрос.

— Скажешь? — спросил Горчаков, едва на пороге появился Тропинин.

— Негодяи! — качнувшись, ответил Тропинин.

— Посадите его на стул, видите, ему дурно! — приказал Горчаков.— Оденьте ему обручальные кольца.

Тропинина толкнули к столу, усадили на стул, зажали в тисках руки. Оглядывая всех ненавидящим взглядом, Борис Антонович собирал силы, готовясь к истязанию.

«Наверное, иголки под ногти...» — успел подумать он.

И тотчас перед ним встали картины из прошлого родной земли. Истязали русских татары, немецкие крестовосцы, наполеоновские полчища, добиваясь, чтобы они отказывались от Родины, сдирали кожу с живых красноармейцев офицеры Деникина, живьем жгли в паровозных топках японцы... И когда ему на руки набросили раскаленные докрасна стальные кольца, Тропинин не издал ни звука. Только из прикушенной губы потекла на подбородок струйка крови.

Запахло горелым мясом. Тропинин закрыл глаза, изпод ресниц показались слезы.

— Скажешь? — толкнул Горчаков Тропинина в грудь рукой, затянутой в лайковую перчатку.

Тот наклонил голову в знак согласия. Облизывая окровавленные губы, прошептал:

— Нагнись.

Горчаков радостно наклонился. Огромный плевок врезался в его холеное лицо.

— Бей! — остервенело закричал Горчаков.

Удары обрушились на Тропинина.

... Когда ожоги на руках зажили, Тропинина перевезли в Майданек.

Огромный лагерь, расположенный в долине недалеко от Люблина, с первого взгляда был обыкновенным местом отбывания наказания. Секция синих бараков, с белыми наличниками окон, были распланированы, казалось, с удобствами для заключенных. Зелень деревьев, обширные клумбы, голубые скамейки, фонтаны омрачались лишь трехметровыми стенами из колючей проволоки да вышками для часовых. Вокруг лежали просторные, мирные огороды.

Так показалось и Тропинину. Потом он рассмотрел, что внутри лагеря бараки отделены друг от друга двумя рядами колючих изгородей, посреди которых ярко краснел медный провод, извивающийся от изгороди к изгороди, как огромная змея. Ночью провод светился — по нему пропускали ток высокого напряжения. Попасть из одного барака в другой было невозможно. Даже неосторожное прикосновение к колючей проволоке поднимало в лагере тревогу: начинали завывать сирены; вокруг лагеря, у рвов, заполненных водой, появлялись разъяренные овчарки; с высоких сторожевых вышек строчили пулеметы, кося всех, кто находился около проволочных изгородей. Что происходило в соседнем бараке, никто не знал. Обитатели лагеря никогда больше не встречали человека, переведенного в барак, что расположен на взгорье, где день и ночь дымились квадратные приземистые трубы. В лагерь приходили каждый день эшелены с пополнением.

Бориса Антоновича поместили в камере, находившейся в помещении охраны. На другой день, когда пришел новый эшелон, его вывели во двор. С густой проседью на висках, с сурово сведенными к переносице бровями, закованный в кандалы и наручники, он стоял, окруженный усиленной охраной. Щеголевато одетый офицер с усиками и бородкой что-то объяснял ему. Лицо Тропинина казалось совершенно спокойным, ни один мускул не дрогнул на нем. Будто он своим видом требовал от вновь прибывших: держитесь достойно, друзья.

Толпу разделили по каким-то спискам на маленькие группы. Когда первую из них повели к кирпичным зда-

ниям в лагере, охранники толкнули Тропинина вслед за нею.

Людей ввели в предбанник. Приказали раздеться. Выдали каждому по кусочку серого мыла, мочалку. Перед ними распахнулась массивная дверь. На людей пахнуло паром и еще чем-то одурманивающим. Прижимаясь друг к другу, озираясь по сторонам, люди искали скамеек, тазов, кранов с водой, а за ними уже глухо захлопнулась тяжелая дверь. Где-то зарокотал мотор, зашумел вентилятор. В людей ударила мощная струя газа...

Оставшиеся во дворе видели, как охранники подтолкнули русского кандалника к волчку в двери. Сперва он приник к нему, потом, резко отпрянув, попытался скованными руками сбить с ног офицера. Эсэсовец загородил прикладом хохочущего офицера. Русский кинулся прочь, но его силой подтащили и прижали его голову к волчку, заставляя смотреть внутрь камеры. Он бешенно отбивался, стараясь сбросить насевших на него охранников. Рядом смеялся гитлеровский офицер.

В тот день Тропинин с ужасом вспоминал лица гибнущих в камере от газа людей. Вечером ему задали один вопрос:

— Что такое «санит»?

— Не знаю.

Потом шли страшные дни. Его помещали в газоканмеру, включали мотор, вентилятор и задавали один и тот же вопрос. Полумертвого вытаскивали из камеры и гнали зарывать расстрелянных. Длинные, широкие канавы были доверху наполнены трупами... Загоняли в большое каменное здание и заставляли сортировать вещи, снятые с убитых. За отказ избивали до полусмерти. Его водили по цехам этого большого здания, показывали, как упаковывают волосы людей, снятые перед расстрелом, как ремонтируют и тюкуют детскую одежду и обувь... И задавали вопрос:

— Что такое «санит»?

— Не знаю.

Его повели на расстрел. Поставили в строй вместе с другими. После залпа вокруг люди упали — его оставили в живых. Потом еще раз... еще...

Седого, сурового, с красными рваными шрамами от наручников, Тропинина привели в помещение, над которым день и ночь дымили квадратные трубы. Ему каза-

лось, что он видел все, что могут придумать палачи. Но переступив порог этого здания, он содрогнулся.

На операционном столе лежал человек. Он был страшно изможден. На выпирающих костях просвечивалась восковая кожа. Грудь лежащего еле заметно поднималась. Когда Тропинин, гремя кандалами, прошел к столу, человек открыл глаза, хотел что-то сказать и не смог. Даже пошевелить губами у него не было сил. Из боковой двери быстро вышел пожилой, крупный немец в белом халате. За ним ввалилась беззаботно шумящая группа молодых немцев тоже в халатах. Взяв длинную указку, пожилой, тыкая ею в беспомощно распростертого человека, начал объяснять, из каких частей состоит человеческое тело. Молодые спокойно рассматривали умирающего. Отойдя чуть в сторону, пожилой дал задание. Молодые, все разом, но каждый в заранее облюбованном месте, принялись орудовать скальпелями.

Горчаков, покуривая сигарету, обратился к Тропинину:

— Скажешь?

— Никогда!

Горчаков кивнул охранникам. Тропинина толкнули в одну из дверей, поставили к стенке против открытой топки длинной печи. На носилках внесли человека. Он еще дышал, пытался что-то сказать. Носилки поставили против жерла печи. Следящий за работой печи гитлеровец, не глядя на носилки, спросил:

— Одного отправлять? — и кивнул на жерло.

— Обожди! — приказал Горчаков. Повернувшись к Тропинину, спросил: — Последний раз спрашиваю — скажешь?

Тропинин с ненавистью взглянул на Горчакова.

— Вот второй! — кивнул на него Горчаков и быстро вышел.

Человека с носилок спихнули в печь. Вокруг него за клубилось пламя. Тропинин шагнул к носилкам, будто желая сам лечь на них, и вдруг со страшной силой обрушил на голову фашиста наручники. Тот замертво свалился на цементный пол. Тропинин прыгнул на него и тут же свалился от удара в голову...

В тот день многие заключенные Майданека видели, как эсэсовцы проволокли русского в помещение охраны. Белые волосы закрывали его лицо.

Что было с ним после этого?.. Потянулись долгие, страшные дни, недели, месяцы, годы... Название последнего места заключения Тропинин узнал от американских солдат, занявших немецкий городок на западе Германии...

Вспоминая об этом времени, Борис Антонович не мог простить себе одного: как могло случиться, что он так размяк? Когда его выпустили из одиночной камеры, он забыл обо всем, кроме встречи со своими, с семьей, с сыном! Радуюсь этому, не обратил внимания, что за ним установлен негласный надзор, что его передвижение ограничивают. Одна мысль владела им: «Скоро увижу сына! Александр, Саша, Санек, тебе уже четырнадцать лет! Помнишь ли меня? Ты, сынок, думаешь, что я погиб, а я жив! Жив! И скоро увижу тебя!»

И седой, суровый человек с ненавистью во взгляде радовался, как ребенок. А вокруг него снова собирались тучи.

Только в лагере для перемещенных лиц, в Берлине, Тропинин понял, какую непростительную ошибку он допустил. Теперь он искал выхода. Решал, как бежать из лагеря. Его письма не доходили до Советского Командования. Всех, с кем дружил Тропинин, при выписке из лагеря тщательно обыскивали. Значит, надо искать, кому доверяет комендант. Борис Антонович давно присматривался к немцу-переводчику Курту Винеру. Ему казалось, что последнее время переводчик ходит какой-то грустный, приглядывается к лицам перемещенных, словно отыскивая кого-то. Встретив бородатого старика, он, пораженный какой-то догадкой, долго стоял растерянный. Тропинин слышал, как Курт спросил старика, почему тот отказался уехать на родину, ты, мол, говорил, что хочешь в Россию? Слышал ответ и приметил, как глубоко задумался немец над словами старика, а потом недовольно кривил лицо, когда выступал прислужник компании металлургов, призывавший ехать за океан. Только поэтому Тропинин пошел вторично к помощнику коменданта, у которого переводчиком был Курт Винер, с требованием отпустить его из лагеря. При разговоре в комнате, где производили опрос, он разглядел на лице немца сочувствие к себе.

«Надо познакомиться с Винером,— решил Тропинин.— Через него можно передать письмо на волю»,— и, почувствовав облегчение, начал раздеваться.

Оставшись в одном белье, он проделал комплекс гим-

настических упражнений, вымылся холодной водой и уже собирался погасить свет, когда снаружи послышались шаги. Они приближались к бараку. «Вот еще кого-то освободили», — усмехнулся Тропинин. Барак, в который его недавно перевели, ночью усиленно охранялся. Шаги приближались. Борис Антонович стоял около койки прислушиваясь.

В дверь постучали:

— Да! — ответил Тропинин.

Вошли трое полицейских. Один из них коротко приказал:

— Одевайтесь!

Тропинина ввели в комнату коменданта лагеря. За столом, рядом с комендантом, сидел пожилой майор Советской Армии. Как только Тропинин переступил порог, майор, чуть улыбаясь, принялся рассматривать его. Борис Антонович еле сдерживал радость. Майор поднялся, шагнул навстречу.

— Здравствуйте, здравствуйте, Борис Антонович, — протянул руку майор.

— Товарищ... товарищ майор! — Тропинин беспокойно оглянулся на коменданта. Тот внимательно наблюдал за ним. — Наконец-то я вижу своих! — вырвалось у Бориса Антоновича.

— Садитесь, садитесь, Борис Антонович, — пригласил майор, пододвигая стул. — Рассказывайте.

— Идемте, отсюда, товарищ майор! Все потом... потом!

Майор улыбнулся, усадил Тропинина.

— Борис Антонович, я понимаю вас. Вам не терпится, вас ждет семья... такая разлука. Но, понимаете, — майор сокрушенно развел руками, — необходимо соблюсти некоторые формальности. Есть кое-что неясное у них, — он кивнул головой в сторону настороженно слушающего коменданта. — У них некоторые данные не сходятся с нашими...

— Потом все уточните, — заволновался Тропинин.

— Нет, дорогой мой, их надо здесь выяснить. Рассказывайте, кто вы, откуда родом?

Тропинину вдруг показалось что-то знакомое в этом голосе. До сих пор он видел только советскую форму на майоре. Мысли мелькали так быстро, что Тропинин даже растерялся. «Почему для этой встречи меня вызвали

ночью? Почему в этой комнате полутемно, а обычно было яркое освещение? Где он видел эти тонкие, жесткие губы, такие, как у майора? Откуда ему знакома эта ласковая улыбка и настороженно ожидающие чего-то глаза?..» Сделав вид, что он собирается с мыслями, Тропинин смежил веки и пристально взгляделся в лицо майора. «Где я встречался с ним?»

Выждав несколько минут, майор заговорил:

— Понимаете, Борис Антонович,— он пожевал губами и, подбирая слова, повел из стороны в сторону подбородком, будто ворочал во рту какие-то тяжелые глыбы,— вы назвались каменщиком, и это нас смущает.

Борис Антонович опустил голову. Представил, что у майора маленькие ниточки усов, холеная бородка клинушкой, и взглянул на него. Перехватив этот взгляд, майор невольно отодвинулся в тень. Это не ускользнуло от внимания Тропинина. Страшным усилием воли он сдержал себя: перед ним сидел... Горчаков! Обожженные стальными раскаленными кольцами руки Бориса Антоновича вздрогнули. Тотчас овладев собой, он поднял голову и, глядя на Горчакова, спокойно сказал:

— Да, я каменщик. Но... разве это меняет положение? Я же советский человек,— Тропинин снова заговорил взволнованно.— Я стремлюсь на родину. Разве нашей стране не нужны каменщики? Я ничего не понимаю. Объясните мне, пожалуйста.

— Видите... Вы не так меня поняли,— майор забарабанил пальцами по столу, и Тропинин представил себе эти пальцы, когда они вот так же барабанили по столу, а у него дымились и горели руки.— Мы, конечно, представляем возможность каждому... каждому советскому гражданину вернуться на родину, домой, к семье. Но, я повторяю, у нас есть сведения, что Тропинин — геолог, а вы Тропинин — каменщик. Формальности нашего соглашения с ними,— майор снова головой кивнул в сторону коменданта,— таковы, что они передают нам людей, данные о которых сходятся с нашими данными. Теперь придется запросить о проверке вашего адреса, и только тогда они вас освободят. Понимаете, как оно получается,— Горчаков-майор встал, будто задумавшись, незаметно отошел в тень.

«Сейчас он облокотится на подоконник, — подумал Тропинин.— Подлец! Я снова в руках той же шайки!» И,

когда Горчаков облокотился, Борис Антонович взглянул на коменданта. Тот, полуприкрыв глаза, наблюдал за происходившим.

Горчаков выпрямился, спросил:

— Борис Антонович, может, вы хотите что-нибудь сообщить Советскому Командованию? Можете... в письменном виде. Я передам.

Тропинин согласился. Быстро написав все, что он обычно отвечал на опросах в лагере, подал листок Горчакову. Тот, не читая, сложил его четвертушкой, сунул в карман.

— Сколько времени займет проверка?— спросил Тропинин.

— Не беспокойтесь. Мы не забудем о вас. Проверка займет три-четыре дня,— Горчаков, козырнув коменданту, протянул руку Тропинину.— До свиданья!

Тропинин подал руку (Горчаков не должен знать, что он узнал его).

Когда Горчаков вышел, комендант сочувственно улыбнулся.

— Господин Тропинин, вам неоднократно говорили, что русские в первую очередь требуют геологов, металлургов, шахтеров. Почему вы не назвались кем-нибудь из них?

— Мне кажется, господин комендант, что вас неправильно информировали. Как вы думаете?

— У меня есть приказы, зачем мне думать! Тем более, что приказы написаны на основании соглашений с русскими. Да-а, потеряли вы возможность скоро увидеть семью. Скажите, у вас большая семья?

— Большая,— подтвердил Тропинин. Теперь он ясно понял, что всем, кто его допрашивал последние дни, почему-то нужны точные сведения о нем, о его семье, о товарищах. «Теперь, если Горчаков служит им, они кое-что знают о синем луче»,— подумал он, слушая, как сокрушается о его судьбе комендант.

— Сын, наверное, вырос. Большой теперь, а? А дочка тоже, поди, есть? Вас угнали в Германию в 1941 году, сейчас весна сорок шестого, лет по пятнадцати им есть? Выросли без отца, ай-ай-ай! Что значит — война. Небось, вымахал ростом с вас, господин Тропинин?

— Сына у меня нет. Дочка не знаю, жива ли?

— Дом свой имели?

Тропинин промолчал.

— Я слышал, что очень красивая река Донец. Правда? Вы, кажется, тамошний житель?

Тропинин снова промолчал. Не дождавшись ответа, комендант встал, раздраженно промолвил:

— Вы совсем разучились разговаривать с людьми.

— Так пришлось,— посочувствовал Тропинин. Потом, увидя входящих полицейских, указал на них.— С ними не разговоришься.

— Уведите! — приказал комендант.

Оставшись один, он передал Крузе о только что состоявшемся свидании с Тропининым. Тот, внимательно выслушав, недовольно бросил:

— Такая работа мне не нравится. Усильте охрану! Узнаем без вас! — И положил трубку.

Комендант вспомнил искалеченные руки русского и, глядя на телефон, недоверчиво покачал головой.

В ту ночь Тропинин не попал в свой барак. Его вывели из комендатуры, толкнули в закрытую машину и привезли к Крузе.

— Подойди! Ближе! — громко приказал он. Когда Тропинин остановился около массивного стола, на котором не было ни одной вещи, Крузе рывком выдвинул ящик. Выхватив из него зеленую записную книжку, протянул ее Тропинину: — Твоя? Отвечай! Быстро!

— Что вы показываете? — спокойно спросил Тропинин, хотя, при виде своей записной книжки почувствовал, как сердце у него заколотилось.— Разрешите посмотреть?

— Хватит валять дурака! — стукнул кулаком Крузе.— Нам все известно!

— Что-то я вас не понимаю.

— Молчать! Мы сгноим вас в подземелье!

— Я уже не раз это слышал, но тех нет, а я... вот, еще жив,— пожал плечами Борис Антонович.

— Это ваша записная книжка?

— Нет.

— Скажите, что за металл «санит»?

— Я не понимаю, о чем вы спрашиваете.

— Мы озолотим вас!

— О чем вы говорите?

— Мы предоставим вам любые лаборатории величайшей металлургической компании Америки! У вас будут доллары. Почет! Слава, черт возьми! Вами сейчас интересуются лучшие люди нашей компании!

— Я могу только показать, как укладывать в стену жилого дома кирпичи. Если это вас очень интересует — пожалуйста.

— Вы круглый идиот! Вам предлагают золото! Золото! А вы цепляетесь за какое-то пустое понятие — родина! Что это за люди? Я вас спрашиваю — на что вы способны?

— Строить дома и... воевать умеем, если приходится.

Крузе с бешеной ненавистью посмотрел на Тропинина, надавил на кнопку сбоку стола. В комнате тотчас появились два служителя.

— В карцер! — приказал Крузе. — В карцер! — закричал он еще раз, когда за русским закрылась тяжелая дверь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

После недельного дождя наступил сумрачный июньский рассвет. Узкие берлинские улицы с далеко выступающими на тротуары карнизами домов, портиками подъездов, колоннадами ворот, выступающими, словно только для того, чтобы навязчиво бросаться в глаза пешеходам, блестели от воды.

Курт Винер, кинув взгляд на одну из многочисленных в Германии колонн в честь победы над Францией в 1870 году, где были прикреплены часы, заторопился. Вот уже почти год работал он переводчиком в бюро по найму рабочей силы на улице Бисмарка. Поздней осенью прошлого года, когда в лагере никого не осталось, он тревожно беспокоился о своей дальнейшей судьбе. Но волнения его оказались напрасными. Кроме сохранения работы, ему предоставили и хорошую квартиру. Все было бы хорошо, если бы не жена. Последнее время Анна часто находила причины, чтобы поссориться с Куртом. Ему казалось, что в этом виновата сестра жены, живущая в Восточной зоне Берлина. Сестра Анны, Лотта, работала в фабзавкоме и очень нелестно отзывалась о Курте, и все из-за того, что он служил у Шварца, о котором восточные газеты писали как о фашисте. А что делать? Другой работы не было. И Курт продолжал служить.

Крузе, войдя в кабинет, отдернул штору и поморщился. Наступал серый день. Как ему хотелось поехать в

Америку, и снова все полетело вверх тормашками. Нужно же было ему сообщать об этом проклятом синем луче! Конечно, он рассчитывал на то, что русский все расскажет, а теперь... Все зависело от выполнения последнего задания компании, а оно было кратким: «Узнать «санит»!» Предписано под личную ответственность Крузе. Вот тебе и поехал в Америку!

И Крузе решил действовать, промедление грозило его дальнейшей карьере. Только-что начали поговаривать о повышении, и вдруг этот «санит». Дернуло же его сообщить преждевременно. Думал, что никто не устоит перед ним, слишком много одержал он побед в оккупированной Германии. Почти все тайны немецкой металлургии были в его руках...

В углу за ширмой зазвонил телефон. Крузе подошел.

— Да! — недовольно сказал он и сердито оборвал: — Я жду!

Когда вошел Горчаков, Крузе сидел за столом, дымя ситарой. Он подождал, пока Горчаков усядется, резко заговорил.

— Я не доложил, что вы скрыли от нас поиски немецкой разведкой «санита»... хотя обязан был сделать это!

Горчаков в знак согласия наклонил голову.

— Вы нечестно служили нам.

— Позвольте!.. — перебил Горчаков.

— Знаю! Вы передали нам много секретных данных немецких металлургических компаний. Вы указали немецких агентов, которые работают на наших заводах. Но факт остается фактом, разыскивая «санит», вы надеялись продать этот секрет тем, кто победит! Немцам — при их победе, нам — при нашей?

— Это ваше предположение, — спокойно возразил Горчаков. — При том, уточняю — ничем необоснованное.

— Почему вы так долго скрывались от нас?

— Я боялся, что меня опознают. Через Германию ехали все лагерники, многим из них я хорошо знаком. Мне моя шкура дорога пока.

— Предположим, я верю вам. Верю и молчу. Согласны?

— Что за это я должен сделать?

— Найти «санит».

— Тогда я обойдусь без вас.

— Я сегодня же перестаяю молчать.

— Да, понимаю... Мне некуда деваться? Но поймите другое, я искал «санит» в течение пяти лет и, как видите,— Горчаков усмехнулся,— все впустую, если не считать того, что вы передадите меня американскому командованию как немецкого шпиона.

— Хорошо, будем откровенны,— Крузе встал, прошелся по кабинету.— От «санита» зависит ваша... и моя судьба. Его надо найти.

— О нем знает Тропинин.

— А, черт возьми! Хватит играть! Вы знаете, что из него ничего не вытянешь!

— Попробуйте сильные средства.

— Молчит.

— Ваши все живы?

— Трех покалечил. Знает, что мы не можем пока его ни удавить, ни расстрелять. Если бы я имел хоть грамм «санита», я сам...— Крузе задохнулся от нахлынувшей на него злобы.— Я сам задушил бы его! — Он вытянул руки, крикнул: — Сам!

— По-моему, я на это имею не меньше прав,— насмешливо произнес Горчаков, наблюдая за Крузе.

Тот сжал кулаки, помолчал. Потом вздохнул, подошел к Горчакову.

— Георгий Игнатьевич, поймите меня правильно.— Он положил руку на стол.— Это задание можем выполнить только мы. Вы или я. Больше я никому не доверю, вы понимаете меня? Я не могу поехать в Россию. Даже если попрошусь, меня непустят. Понимаете?

— Остаюсь... я? Да? — Горчаков встал, достал из коробки на столе сигару.

— Да,— Крузе посмотрел в глаза Горчакову.— Ваши условия при любом денежном вознаграждении?

— Над этим стоит подумать. — Горчаков отошел к окну, облокотился на подоконник. Вертя в руках незажженную сигару, долго молчал. Потом несколько раз повторил: — Подумать... Подумать...

Крузе напряженно ожидал. Он действительно верил в этого Горчакова. Провести шесть лет в центре немецкой разведки, передавать такие сведения, от которых кружилась голова у многих, и остаться в живых — это даже удачнику Крузе казалось сверхъестественным. Тем болсе, что Крузе знал: у них в агентуре были двойники,

которые, работая в Америке, выясняли агентов компании в Германии.

Горчаков выпрямился, закурил, решительно сказал:

— При одном условии.

— Говорите.

— Тропинин должен быть мертвым.

— Что?!

— Тогда нет! Поезжайте сами.

Крузе задумался. А если Горчаков не добудет «сани-та», кто скажет о синем луче? Сколько надо будет времени, чтобы разузнать? И где будет он, Крузе? Пожалуй, ему не миновать участи кое-кого из неудачников. Компания с ними не церемонилась...

— Согласен,— тихо сказал он.

Горчаков подошел и, глядя в упор, сказал:

— В смерти Тропинина я должен убедиться сам.

— Не верите?

— Знаю по себе.

— Хорошо! План?

— Никакого, кроме того, что его записная книжка должна быть у меня,— Горчаков усмехнулся.— Формулу можете оставить у себя. Она не нужна русским!

— Согласен.

... Через два дня Горчакову показали труп Тропинина. Вскоре Горчаков был переброшен в Советский Союз. В день его отъезда Крузе вызвал к себе Курта Винера.

— Господин Винер, я могу надеяться на ваше расположение ко мне? — спросил Крузе.

— Да, господин Крузе. Я очень признателен вам.

— Так я и предполагал. Угощайтесь,— он пододвинул пачку сигар, подождал, пока Курт закурит.

Винер, отрезая кончик сигары, заметно волновался. На его лице то появлялась, то исчезала виноватая улыбка. Пальцы чуть вздрагивали.

— Скажите, господин Винер, как отнесутся в вашей семье к тому, если вы... ну, предположим, выедете из Берлина на месяц, а может... и два?

Курт растерянно улыбнулся. Ему вспомнился сегодняшний разговор с женой. Она утверждала, что его отправят из Берлина, ведь на улицу Бисмарка не ходят русские искать работу, зачем же Шварцу переводчик?

— Наверное, жена будет возражать,— помог Крузе.

— Понимаете, она коренная жительница Берлина...

— Она останется здесь, — перебил Крузе. — Выехать придется вам одному. За время вашего отсутствия мы будем платить вам... ну хотя бы в три раза больше, чем сейчас. Согласны?

— Разрешите узнать... — Курт замялся. — Да... Что я должен буду делать?

— Об этом мы поговорим, если вы изъявите согласие. Решайте. Я могу подождать день, ну, два... Да, между прочим, я чуть было не забыл, мы с сегодняшнего дня прибавили вам зарплату. У нас ценят хороших работников.

— Благодарю... Я... согласен, — ответил Курт.

Крузе подал чистый лист бумаги.

— Придется дать подписку, господин Винер, что вы о дальнейшем нашем разговоре никому не расскажете, — Крузе пристально посмотрел на переводчика, — ни слова. Но от вас многое зависит, мы вас просим.

Курт Винер подал подписанный лист обязательства. Крузе помолчал, продолжал:

— Американское командование задержало одного русского, — Крузе прикрыл глаза, оперся локтями на стол, немного подался вперед. — Оно предполагает, что это крупный военный преступник. Понимаете, господин Винер, речь идет о русском, который истязал людей сперва в Освенцимском лагере смерти, потом — в Майданеке. Его должны судить, но не хватает кое-каких данных. Коротче говоря, командование обратилось к нам с просьбой помочь выяснить эти данные.

— Что я должен узнать? говорите, — решительно поднимая голову, сказал Винер. — Всех, кто служил в Майданеке, я... я ненавижу!

— О, господин Винер! — Крузе настороженно посмотрел на переводчика. Он не предполагал, что этот тихий, исполнительный немец имеет такие твердые убеждения, и притом совсем противоположные его взглядам. — Вы не вздумайте его сами придушить, — засмеялся Крузе.

— Что необходимо узнать? — твердо повторил Курт.

— Первое — его точный адрес, где он жил до войны. Желательно знать, кем работал и сколько времени. Неплохо было бы узнать, почему он служил фашистам... Но это не так важно, это между прочим. Главное,

господин Винер, — Крузе помолчал, поднялся, — главное я вам скажу, когда вы сообщите жене о своем отъезде.

— Я напишу записку. Извещу ее об отъезде.

— Пишите.

Курт быстро написал несколько слов на листе, отодвинул его от себя, быстро сказал:

— Слушаю вас, господин Крузе!

— Запомните это хорошенько. Будучи в Майданеке, русский уничтожал людей каким-то лучом. Понимаете? Раз — и нет человека. Это варварство! Это бесчеловечно!.. Из чего он добывал луч — неизвестно. Из какого-то металла. Нужно узнать, какой металл? Где добывали его? Надо вырвать этот секрет у варвара!

— Его... этот луч, надо запретить! — резко сказал Курт. — Разве мало и без того изобретено для убийства людей?!

— Да, да! Вы абсолютно правы. Его надо запретить, но пока он существует — необходимо немедленно искать от него защиту. Вот для чего нужен этот луч. Учтите, что задание очень сложное. Будьте осторожны, — Крузе наклонился к Винеру, тихо заговорил: — Придется прибегнуть к некоторой маскировке, — и он стал рассказывать, что необходимо сделать.

— Согласен.

Крузе вызвал людей. Кивнул им на Курта.

— Приготовить господина Винера для камеры № 5! — Он указал на дверь и обратился к Курту: — Прошу. Надеюсь на вас. Зарплату за будущий месяц я отошлю сейчас вместе с запиской.

Курт, поблагодарив, вышел.

Крузе остался один. Он довольно улыбнулся. Нет, он не так глуп, чтобы отдать себя полностью в руки Горчакова. Если он провалится, жди тогда встречи с ним на том свете. Сгинет Горчаков в России, а ему, Крузе, за ним поспешать? Нет, он показал Горчакову труп не Тропинина, нашел со шрамами на руках с кандалными метками — немцы не скупилась на кандалы, такого даже долго не пришлось искать. А вот теперь Крузе попробует вытянуть у русского его секрет и... сумеет! Ход его с Куртом был беспримечательным.

...Дверь в камеру, где находился Тропинин, с визгом распахнулась. Охранники с остервенением швырнули

человека. И снова лязг двери. В коридоре стихли шаги. Человек пошевелинулся на полу, застонал.

Тропинин кинул взгляд на волчок надзирателя в двери и, быстро подойдя к стонущему, присел около него. Перевернул его вверх лицом, вгляделся, вдруг резко выпрямился и отошел к своей койке: в камере лежал немец-переводчик из лагеря перемещенных лиц.

«Может, это новый прием врагов? Подбросили избытого, искалеченного шпиона?» За долгие годы заключения он знал такие случаи.

Винер тяжело застонал, широко зевнул разбитым ртом и затих.

«А если кто-то избавился от нежелательного свидетеля своих действий в лагере?» Тропинин отчетливо припомнил лицо переводчика: сперва растерянное, а потом суровое, размышляющее над ответом старика. Переводчик не донес коменданту о его выкрике в ответ на речь агента американской металлургической компании, которым удалось сорвать клеветническую агитацию. Суровая складка легла у рта Тропинина.

Лежащий на полу Винер снова застонал, попытался подтянуть руку к лицу и не смог, бессильно уронив ее на цементный пол.

Тропинин повернулся, прильнул к кружке, прикованной цепью к стене, набрал в рот воды и, быстро подойдя к Винеру, брызнул водой в его разбитое лицо. Потом, опустившись рядом, стал приводить его в чувство.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Июль — вершина лета. Около городка Крутые Горы дни бесцветные, вылинявшие от жары. А закаты — розовые. И все из-за легкого, почти прозрачного тумана, поднимающегося над спокойным и плавным здесь Донцом. Длинные, косые лучи заходящего солнца не пронизывают насквозь легкого покрывала, повисшего над рекой, а ласково скользят по поверхности. Когда солнце садится, туманы густеют, они поднимаются вверх и уплывают вдаль, тогда в вечерних сумерках горожанам кажется, что у стен их города течет молочная река. Полноводная, широкая, она заливает прибрежные зеленые тальники, пробирается меж стволов лип, и чудится людям, будто

уже и пышные вершины лип поплыли по белой реке куда-то вдаль. Скрылись из глаз дальние, уже лишь смутные очертания ближних. Все напрягают зрение, а в сердце закрадывается тревога: не уплывут ли их пахучие литы с берегов Донца? Увидят ли они их завтра?

Напрасны тревоги — это пришла ночь. Теплая, необыкновенно звонкая и звездная. Короткая ночь.

Еще не успела осмотреть свои владения стремительная в полете ночная сова, а уже по небу заскользил рассвет, и задорный зяблик с вершины могучей ольхи увидел восходящее солнце и запел. Песней разбудил яркожелтую иволгу, и она заплакала. Будто стараясь утешить иволгу, заворковали горлинки, им на помощь поспешили синицы, чижи, береговушки, даже дятлы застучали веселее. Кажется, лес запел. Весь — от края до края — песня, гимн солнцу!

А река туманилась у берегов. Легкие облака поплыли навстречу друг другу. Столкнувшись на середине, весело закружились, ворочаясь, как расшалившиеся дети. А когда солнце, поднявшись выше леса, взглянуло на левый берег реки, он вспыхнул сине-зеленым огнем и потух. Туманы отступили, и вдоль белого песка затемнел извилистый ручеек — воды Донца. Ручеек побежал вниз, исчез в тени широкого дуба, где еще клубятся белые облачки, и вновь появился за ними, как родник из кручи, несмелый, будто оглядывающийся. Еще чуть-чуть приподнялось солнце над вершинами лип, и речные туманы зарделись от легкого прикосновения ранних лучей. Утро, перешагнув через реку, вошло в шахтерский городок Крутые Горы.

В такое утро на крыльцо дома с большой стеклянной верандой быстро вышел коренастый подросток. Секунду постояв, он резко обернулся к Донцу, широко открыл глаза и восхищенно улыбнулся, увидев розовые туманы над водой.

— Мама, мама, посмотри! — закричал он. — Скорее, мама!

В двери показалась моложавая женщина в халате. Она подошла к сыну, обняла его за широкие для юноши плечи, заглянула в черные, радостно блестящие глаза и засмеялась.

— Саша, ты каждый день видишь это и не перестаешь восхищаться.

— Мама, так это каждый раз по-новому! Вот вчера тот куст боярышника поймал облако тумана и спрятался в нем,— паренек улыбнулся.— А сегодня все вокруг в тумане, а этот куст, как остров посреди моря. Похоже, мама? — Сын ласково потянул мать за руку, тихо попросил: — Пойдем к реке.

Пригибаясь под ветвями деревьев, они быстро спустились к берегу. Саша взглянул на уплывающие в лес туманы, на синий по-утреннему Донец, вслушался в пение птиц на левобережье, тихо сказал:

— Мама, я поеду туда.

— Ты же еще не завтракал, Саша!

— Я скоро вернусь,— и, видя, что мать согласна, прыгнул в лодку. Сильным движением оттолкнулся от берега и, загребая веслом то с одной, то с другой стороны, заторопился к далеко белевшей косе.

— Саша, ты же не долго! — закричала мать, любуясь сильными и ловкими движениями сына.

А он, наверное, чувствуя на себе этот взгляд, и от избытка сил и захватывающей душу красоты наступившего утра, в одно мгновение раздевшись, взметнулся в воздухе, вскрикнул радостно:

— Хорошо! — и с шумом исчез в воде.

По ровной глади реки заторопились маленькие волны, широкими кругами разбегаясь от места, где скрылся Саша. Сын так долго не появлялся из воды, что мать забеспокоилась. По реке плыла лодка. Наконец-то, далеко-далеко, почти у самой песчаной косы, вымахнул в солнечные лучи бронзовый от загара Саша. Мать облегченно вздохнула и, часто оглядываясь, пошла к дому.

Вот уже и вырос сын. Большой... А до сих пор не верит Галина Аркадьевна, что погиб Борис. Как он любил вот такие рассветы! На реке он всегда пугал ее своими проделками. То нырнет под воду с камышинкой, дышит через нее, и долго-долго его нет. Галина забеспокоится, вскрикнет, а он тут как тут и уже весело кричит: «Галинка!» И ей так хорошо и радостно, что она сама бросится в реку, чтобы наказать Бориса. Да не так просто поймать его... А то принесет из лесу колючего ежика и ну возиться с ним, вместе с Сашей перевернут все в комнатах, а потом помогают ей навести порядок. Оба серьезные, и отец и сынишка, но обязательно вещи ставят не туда, где они стояли, а нарочно на другое место. Она сердилась. Отец

и сын видят это, переглядываются, тая улыбку, потом разом кинутся к ней с разных сторон, затормошат, закружат: «Мама, не сердись!» «Галинка, не печалься!» И сердце отойдет...

Борис, Борис... Остался ты не только в моем сердце. Люди приносят цветы к подножью памятника. Незнакомые, они не встречались с тобой, а обнажают головы. Великое дело совершил ты, беспокойный геолог, и умер ты славно. Страшно стоять перед дулами автоматов, зная, что это твои последние минуты жизни... Ты не сдался. А я и не знала, что ты такой сильный. Птички лесной не обидел за всю жизнь... Никто не знает, где расстреляли тебя фашисты. Ждала тебя, надеялась... В архивах гестапо нашли приговор тебе — расстрелять. И... приведен в исполнение. Дата — ноябрь.

Опять не верила. Ждала. Пришли из плена. Возвратились угнанные в Германию. Бориса нет... Значит, правда.

Галина Аркадьевна украдкой смахнула слезу. Остановилась на крыльце. По белой косе, тяжело ступая, как отец, уходил в лес сын.

Повзрослел Саша, меньше стал расспрашивать об отце, боится разбередить в сердце матери незажившую рану. Характер у него, как у Бориса, ласковый, но упрямый. Задумал разыскивать вещи отца, засыпанные взрывом на Донце в первый день войны. Все выпытывал подробности, место определял. Плохо помнит Галина Аркадьевна рассказ Бориса об этом, столько пришлось пережить за время войны. Мирные дни позабылись, стерлись в памяти. Отговаривала — боязно отпустить от себя, Саше только пятнадцать лет. А видела — Саша готовится в путь. С другом все решили, лодку смастерили сами. И ведь уговорили старика-соседа — помог он им, всей работой руководил. Теперь Саша просит купить ружье. И ничего не сделаешь — сын вырос.

Галина Аркадьевна повернулась, хотела идти в дом. В калитку шумно влетел вихрастый, невысокий паренек. Улыбаясь, кинулся бегом к крыльцу.

— Здравствуйте! Санек где?

— Здравствуй, Коля,— улыбнулась Галина Аркадьевна.— Чего ты так запыхался, убегал от кого что ли?

— Новость есть! — Коля посмотрел за реку, увидел свою лодку на косе и исчез в саду.

— Коля! Коля! — попыталась остановить его Галина

Аркадьевна и, заметив, что тот побежал еще быстрее, закричала: — Какая новость?

— Переметы достал! — прокричал в ответ Коля, стягивая с себя рубашку. — Будем теперь с рыбой! — Он запрыгал на одной ноге, освобождаясь от брюк. Потом обернулся к дому и воскликнул: — Теперь только ружье и в путь! — бултыхнулся в воду. Но тотчас вынырнул, ухнув несколько раз от удовольствия. — Сейчас приедем! — И поплыл на левый берег.

— Дождешься вас теперь, — усмехнулась Галина Аркадьевна. — Опять будете до полдня планировать путешествие.

Галина Аркадьевна вошла в дом.

Жаркое июльское солнце поднялось в небосводе и поплыло в белесой высоте, щедро осыпая землю лучами. Река заблестела, заискрилась, из темной стала серебристой, лес потерял полутени и зеленой стеной потянулся вдоль берегов. По улицам заспешили горожане. Раскрылись двери магазинов, на колхозном рынке раздались крики гусей. Где-то на окраине городка басовито звал на работу заводской гудок. На лесах около закопченных стен лаборатории научного института, в котором когда-то работал Тропинин, каменщики в белых фартуках приняли от крановщика первую партию кирпича. Рядом на крыше жилого дома появился маляр и размашисто замахал кистью. Солнечные лучи, будто обрадовавшись светлым краскам позади маляра, побежали по ним, и краски заискрились ярко, до рези в глазах.

Около домика с большой стеклянной верандой остановился высокий, давно начавший сесть мужчина. Он быстро окинул взглядом дом, распахнутые окна с занавесками, закрывающими их изнутри, мельком взглянул на колючие листья пышно разросшегося на подоконниках столетника. Видимо, ему не терпелось увидеть кого-нибудь из жильцов. Никого не увидев, он решительно толкнул калитку и, осматривая подворье, направился к дому.

Заметив постороннего человека во дворе, Галина Аркадьевна поправила белый передник и вышла на крыльцо.

— Простите, пожалуйста, — взволнованно заговорил незнакомец, — здесь живут Тропинины?

— Да, — утвердительно склоняя голову, ответила Галина Аркадьевна.

— Вы меня извините... Понимаете, тут такое дело, что я даже не знаю, как и сказать о нем.

— Что же мы стоим, заходите в комнату! — словно испугавшись чего-то, пригласила Галина Аркадьевна.

— Вы понимаете, может, мне надо не к вам, — незнакомец быстро достал что-то из кармана. — Это не ваша? — он протянул Галине Аркадьевне зеленую записную книжку.

Она осторожно взяла книжку и, волнуясь, быстро раскрыла.

— Борис?! — воскликнула она и сделала шаг к незнакомцу. — Он жив?.. Где он?.. — прошептала Галина Аркадьевна и потеряла сознание...

Галина Аркадьевна пришла в себя уже в комнате на диване. Облокотившись на подоконник, в комнате стоял незнакомый мужчина. Услышав тяжелый вздох женщины, он выпрямился, сделал к ней шаг и остановился.

— Простите, я не предполагал, что записная книжка принадлежит вашему мужу. Простите, пожалуйста.

Галина Аркадьевна поднялась, села.

— Дайте мне ее, — попросила она. — Расскажите.

— В 1944 году я отобрал ее у пленного фашиста. От него же я узнал, что он вынул книжку из кармана русского солдата. Здесь, в вашем городке.

Галина Аркадьевна подняла взгляд, в котором была просьба говорить всю правду.

— Простите, разрешите узнать ваше имя?

— Галина.

— Отчество?

— Галина Аркадьевна...

— Я не хочу отнимать у вас, Галина Аркадьевна, последних надежд, но долг солдата не разрешает скрывать. — Он шагнул к ней, склонил голову, и глухо произнес: — Фашист сказал, что он вынул книжку из кармана... мертвого! — И торопливо закончил: — Я бы не поверил ему, но пуля вот... сперва пробила книжку, а потом...

— Да, его расстреляли, — прошептала Галина Аркадьевна.

— Расстреляли? — быстро повторил мужчина. — Тогда, значит, мне попался эсэсовец! Видимо, после расстрела он вытащил книжку? Не знал я этого тогда, шлепнул бы гада на месте... Могло быть, могло, — устало вздохнул он и огляделся, на чем бы сесть.

— Извините меня, пожалуйста, я так растерялась, что разговариваю с вами, не спросив вашего имени,— Галина Аркадьевна глубоко вздохнула и, перехватив взгляд незнакомца, тихо сказала:— Да вы садитесь, садитесь!

— Я Горчаков Георгий Игнатьевич,— отрекомендовался незнакомец.

— Садитесь, прошу вас. Расскажите, как вы нашли нас?

Горчаков сел на диван, склонил голову и, словно вспоминая давние события, заговорил:

— В 1943 году наш полк форсировал Донец недалеко от вашего городка... Мне очень понравились эти места. — Он поднял взгляд на Галину Аркадьевну.— Здесь так хорошо летом — лес, река... Сам я охотник, люблю побродить с ружьишком... Родных у меня никого не осталось,— он тяжело вздохнул.— Я был офицером в Советской Армии, за это мою семью... фашисты расстреляли!

Галина Аркадьевна с широко раскрытыми глазами, прижавшись в уголок дивана, слушала.

— После демобилизации я не знал, куда ехать,— Горчаков грустно улыбнулся.— А там, где в сорок третьем стоял наш батальон, я встретил женщину. Познакомился. Потом получал от нее письма. Вот приехал к ней, а она... А к ней вернулся муж из плена,— он развел руками, качнул седой головой.— Остался снова один... Чтобы не быть с ней рядом, решил переехать в Крутые Горы. Снял квартиру. Начал устраиваться и наткнулся на эту записную книжку. Решил поискать кого-нибудь из родственников. Не надеялся. В ней ведь только в одном месте написана фамилия и адрес. Вот так я попал к вам,— Горчаков встал.— Простите, пожалуйста, что я пришел к вам с такой страшной вестью. До свиданья, Галина Аркадьевна,— он шагнул к выходу, остановился.— Вы первые мои знакомые в Крутых Горах, если разрешите, изредка буду заходить к вам.

— Да... да.

— Спасибо, Галина Аркадьевна.

— Да вы... посидите, я угощу вас завтраком,— Галина Аркадьевна тяжело поднялась.

— Очень признателен вам, но я уже позавтракал,— Горчаков виновато улыбнулся и вышел.

Галина Аркадьевна упала на диван и горько заплакала.

Когда Горчаков сходил с крыльца, из-за деревьев показались двое подростков. Достаточно было одного взгляда, чтобы Горчаков в пареньке с букетом лесных цветов узнал сына Тропинина. Такой же высокий лоб, круто нависающие надбровья, упрямый подбородок. И только юношески припухлые губы, да прямые черные волосы отличали этого Тропинина от того, из которого он не мог вытянуть секрета «санита», из-за которого он столько лет портил себе нервы да еще и сейчас подвергал себя опасности, приехав сюда.

Ответив на Сашино приветствие, Горчаков пошел к калитке, раздумывая, что делать дальше.

Начало было неплохим. Все случилось именно так, как он и предполагал. Только как могло случиться, что здесь уверены в расстреле Тропинина? Ведь немцы на глазах у жителей Крутых Гор гнали его вместе с пленными на станцию? Надо быть осторожнее. Хорошо, что эта Галина Аркадьевна была расстроена и не заметила его растерянности, когда сказала, что ее муж расстрелян. А причиной этому — лишняя самоуверенность. Но так просто удалось добраться сюда, что все остальное казалось несложным и легким. Он ехал в эшелоне перемещенных лиц, на станциях, где эшелон останавливался, ему вручали букеты цветов и приветствовали с возвращением на родину.

Горчаков шел по улице шахтерского городка. От реки долетали веселые крики ребятишек. Где-то высоко на лесах строящегося здания ломкий мальчишеский басок пел песню.

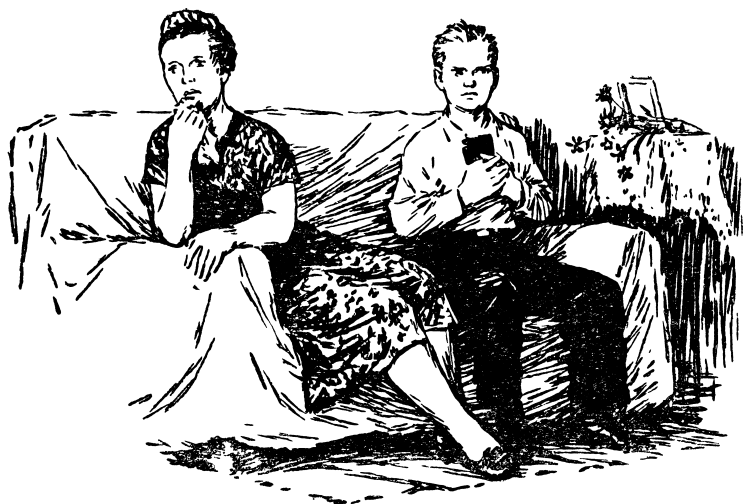
Саша, прижимая к груди цветы, вбежал в комнату и на пороге замер. Мать, обхватив голову руками, маленькая и какая-то беспомощная, горько рыдала на диване.

— Мама! — тихо позвал Саша. — Мама, что с тобой? — Выронив цветы, он подбежал к матери, заглянул в лицо, мокрое от слез. — Мама, родная, скажи, что с тобой?

— Саша, теперь... теперь мы одни!

Коля тихо переступил порог и, опутив голову, нервно мям в руках фуражку. Увидев выроненный Сашей букет, Коля поднял его и, стараясь ступать как можно тише, подошел к столу, положил цветы на зеленую книжечку.

— Теперь все, Саша, никаких надежд, — Галина Аркадьевна закрыла глаза и, всхлипывая, прижалась к сыну. — Записная книжка отца...

— Где? Где, мама?! — Саша быстро оглянулся. — Где?

Мать посмотрела на стол. Коля, схватив букет, протянул его Галине Аркадьевне.

— Это мы вам,— прошептал он, сдерживая слезы, и выскочил из комнаты.

Галина Аркадьевна прижала к груди цветы, устремив взгляд на записную книжку мужа.

Саша тоже увидел книжку. Он тяжело шагнул к столу, бережно, словно боясь причинить ей боль, притронулся. Потом осторожно открыл и впился глазами в первую страницу. Все поплыло перед взглядом подростка, он видел прямой, четкий почерк отца. Такой же, как и в тех немногочисленных письмах, которые свято хранила мать... Да, это книжка отца.

— Мама, ты отдашь ее мне? — спросил Саша. — Я буду беречь ее до самой... до самой смерти! — Саша обернулся и по лицу матери понял, что ей больно отдать книжку даже сыну. — Нет, нет, мама, пусть она будет у тебя, я только прочту, — и он положил книжку на стол. Сел рядом с матерью. Обнял ее за худенькие плечи и тихо, взволнованно, как клятву, произнес: — Я всю жизнь буду с тобой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Саша, я не могу отпустить вас одних,— промолвила Галина Аркадьевна, глядя на посуровевшее лицо сына. Подумала: «Упрямый, не удержишь!» — Пойми, Саша, вы с Николаем оба... увлекающиеся, что-нибудь надумаете в дороге...

— Мама, мы только будем искать вещи отца,— тихо проговорил сын и, схватив мать за руку, горячо спросил: — Хочешь, мы поклянемся тебе, что ни шагу не сделаем дальше? Я и Николай!

— Саша, хороший ты мой! — ласково улыбнулась и засмеялась мать. — Неужели ты думаешь, что я никогда не была такой, как ты? Ты, наверное, представляешь меня только взрослой. А я была такой, как ты. Девчонкой взбиралась на гору, и обязательно на самую высокую, плавала, ныряла, пока не начинала захлебываться.

Сын недовольно нахмурился: разговор затягивался. Уйти — обидишь мать, он не мог этого сделать, но в саду его уже давно ожидал Николай. Нетерпелось скорее пристрелять берданку, которую где-то раскопал Николай. И повозились же они с ней! Приклад скрепили проволокой, а потом еще наложили планки на шурупах, припаяли мушку...

— Бывало, дашь обещание что-нибудь не делать,— продолжала мать,— а увидишь ребятишек, как они с кручи вниз головой в Донец прыгают, и самой захочется попробовать. Интересно — испугаешься, сумеешь? И прыгала, и разбивалась... Нет, нет, Саша, одних я не пушу, не соглашусь на вашу поездку.

— Мама, мы уступим время,— взволнованно заговорил сын. — Июль уже на исходе, к половине августа нам необходимо вернуться в город, сколько же у нас дней? Двадцать два. А кто знает, что произошло там, где засыпана лодка отца.

— Нет, Саша, я не могу... Ты у меня один.

Сын, опустив голову, помолчал несколько мгновений, покусывая губы, и приглушенно спросил:

— А разве Олег Кошевой был у матери не один? А молодогвардейцы не выполняли заданий... одни?

— Саша,— мать укоризненно покачала головой. — Как можно сравнивать то время... Но и молодогвардейцами ведь руководили старшие!

— По заданиям они ходили одни,— упрямо повторил сын.— Да еще по каким! А мы что собираемся делать? Подняться вверх по Донцу и открыть лодку. Это же прогулка!

— Отец не решился на это, видимо, очень сложно.

— Ты же сама говорила, что началась война и ему было не до лодки. А я... я должен найти вещи отца.

— Но поймите вы, что это не прогулка. Берега Донца местами еще не разминированы, в лесах неразорвавшиеся гранаты, снаряды, да и подводные камни... Саша, пойми, дорогой мой, ты у меня теперь один! Я не могу... не могу,— Галина Аркадьевна отвернулась, скрывая слезы.

— Хорошо, мама,— Саша поднялся, посмотрел на фотографию отца, прикрепленную над его кроватью, и тихо закончил: — Я подумаю, как нам быть.

В саду послышался крик иволги. Галина Аркадьевна удивилась:

— В этом году что-то часто стала залетать к нам в сад иволга.

Сын промолчал.

— Иди, Коля тебя ждался.

Саша вышел на крыльцо, осмотрелся, тихо проворковал горlinkой. В глубине сада весело застучал дятел. Саша направился туда.

— Ну и долго ты разговаривал,— недовольно сказал Коля, появляясь из-за куста смородины.— Ждал тебя, ждал, чуть не уснул.

— Сколько раз я тебе говорил, что иволги в сады не залетают,— сердито сказал Саша.— Тоже мне — тайный знак подает. И дятлу летом в саду делать нечего, зимой — другое дело.

— А горlinkи бывают, да? — обиделся Коля.

Саша улыбнулся.

— Не прилетают, но зато на косе, когда их много собирается, они так воркуют, что здесь слышно.

— Так то в полдень, а сейчас утро. Тоже мне, оправдался,— Коля отвернулся, посмотрел на ту сторону реки.— Видишь, там нет ни одной.

— Ладно,— сдлся Саша,— оба виноваты. Это мы с тобой учтем, а вот что дальше будем делать?

— Не разрешает? — тревожно приподнялся на цыпочках Коля.

— Нет. Одних, без взрослого, говорит, не пущу.

— А где нам взрослого взять? Кто с нами поедет? — Коля перешел на шепот: — А потом — не можем же мы рассказать все, что задумали? Засмеют. Ты об этом с матерью говорил?

— Намеркал осторожно.

— Она как думает?

— Усмехнулась. Отец, говорит, тоже всегда о чем-нибудь мечтал: то думал подземные реки вывести на поверхность, у него был такой проект, то еще что-то.

— Ох и здорово! — воскликнул Коля, глядя на реку. — А то был я у бабушки в Володарске, так летом искупаться негде. Чуть не пропал от жары.

— Искупаться, — недовольно протянул Саша, — без этого еще можно жить, а вот орошать посевы, это да.

— А ты не перебивай! Я только хотел об этом сказать. Что я — не понимаю?

— Отец предлагал пробурить скважины, найти метан и приспособить его для отопления квартир. В шахтах, мол, гремучего газа не будет, он весь к скважине начнет пробиваться.

— Я слышал, — Коля оглянулся, словно боясь, чтобы его никто не подслушал, — что это уже делают. Испытывают. Может, и все насчет синего луча правда? Может, мы найдем «санит»?

— Тише, ты! — угрожающе сказал Саша.

— Да здесь никого нет, — шепотом ответил Коля.

— Уговор помнишь?

— А как же?

— Только мы об этом знаем, и больше никто! — Саша быстро заглянул за густой куст смородины. — А то может кто подслушивает? Где берданка? Пошли попробуем.

С ружьем, завернутым в тряпку, ребята усадились в лодку и направились на левый берег Донца.

Когда Саша и Коля скрылись в лесу, в дом Тропининых вошел Горчаков.

— Опять в слезах, Галина... — Горчаков пожевал губами, — Аркадьевна. Мучаете вы себя. Вижу, только и забываетесь немного на работе. Вечером вы в хорошем настроении. Да и понятно, конечно, там коллектив, товарищи... Признаться, я и сам заскучал, надо поступать на работу. — Горчаков с сожалением вздохнул. — Хотелось побродить по Донцу, отдохнуть после войны, немного рассеяться. Да вот беда, не знаю я этих мест.

Галина Аркадьевна вспомнила разговор с Сашей и подумала: «А что, если уговорить Сашу, чтобы он поехал с ними? Офицер, бывалый человек...»

— Поступишь на работу — отпуск предоставят только через одиннадцать месяцев, — продолжал Горчаков и, рассеянно оглядывая комнату, все время внимательно следя за лицом Тропининой. — Опять ни дня, ни ночи покоя. Разве утерпишь работать по восемь часов, когда люди все силы отдают на восстановление разрушенного фашистами хозяйства? Да ни за что на свете!

— Удержаться трудно, — согласилась Галина Аркадьевна, посматривая на часы. Ей еще нужно было переодеться в рабочий костюм, а Горчаков и не думал прощаться. — Все работают.

Горчаков поднялся.

— Простите, Галина Аркадьевна, я вас задерживаю... Пойду... Кстати, вы сегодня не будете в клубе? Приехали из областного центра артисты, у нас будут всего два дня. Я бы по свободе мог достать билеты, вам и Саше. Не хотите?

— У меня сегодня срочная работа, — извинилась Галина Аркадьевна. — Надо бы спросить Сашу, может, он сходил бы с вами?

— А где он?

Из-за реки донесся гулкий ружейный выстрел. Галина Аркадьевна испуганно вздрогнула и, растерянно улыбаясь, сказала:

— Это они. Уже где-то достали ружье.

— Вы не боитесь... — Горчаков замаялся, потом с ноткой сочувствия в голосе закончил, — не боитесь за такое вольное поведение сына?

Галина Аркадьевна, помолчав, ответила:

— Пока нет.

Горчаков вышел. Галина Аркадьевна, быстро переодевшись, подошла к зеркалу. Вот и старость подходит. Не годы бороздят лицо морщинами, тушат блеск в глазах, а горе. За последние две недели особенно осунулась, и много-много мелких морщинок переплелись у глаз, а промеж черных бровей, словно кто рассек переносицу, тяжелым шрамом легла глубокая складка. Борис, Борис! Сколько теплой ласки берегла для тебя твоя Галинка! Ничему не верила.

Галина Аркадьевна взяла вязанную «авоську», — после

работы надо получить по карточкам хлеб,— и с грустными думами вышла на крыльцо.

Со скамейки у крыльца резко поднялся Горчаков. Появление его было так неожиданно, что женщина вздрогнула и сказала:

— Вы меня напугали. Я так задумалась, что не заметила вас.

— Простите, пожалуйста. Конечно, это не хорошо с моей стороны, но, Галина Аркадьевна, поймите, здесь я один, мне хотелось бы посоветоваться. У вас есть лодка. Продайте мне ее или дайте на месяц. Мне надо отдохнуть... Я так люблю природу.

— Видите ли, Георгий Игнатьевич,— почему-то впервые обращаясь к нему по имени, сказала Галина Аркадьевна,— лодка не моя. Сделали ее сами ребята. Поговорите с ними, может, они вам уступят ее?

— Без вас у меня ничего не получится,— улыбнулся Горчаков.— Сам был таким, о путешествиях мечтал... Где их найти? Попробую.

— Гереправьтесь на ту сторону,— Галина Аркадьевна указала за реку.— Но в лесу вы вряд ли их найдете. Лучше посидите на берегу, подождите... Извините, мне пора на работу.

Галина Аркадьевна пошла на улицу, а Горчаков не спеша зашагал к берегу, ощупывая взглядом все, что было во дворе. У реки он отыскал камень, подкатил его к воде и сел. Выловив из Донца гибкий ивовый прутик, он сперва легонько, потом сильнее и сильнее принялся хлестать им по песку, словно давая выход своей ярости.

Он был взбешен. Две недели, проведенные им в Крутых Горах, ничего не прибавили к его данным. Из записной книжки Тропинина он знал о месте, где осталась лодка геолога, но самому отправиться на поиски ее было опасно: его поведение может показаться подозрительным. Да и есть ли там что-либо, указывающее, где искать «санит»?.. Все эти дни он заходил в пивные, ресторан, столовые — прислушивался к разговорам и не мог уловить ни одной нити, по которой он бы добрался до «санита». Он попытался заговорить с крутогоровскими сталеварами. После первого вопроса — можно ли поступить к ним на завод — рабочие внимательно и явно подозрительно оглядели его и посоветовали обратиться в отдел кадров. Неужели придется поступать на завод? Документы у него

вне подозрений, но срок?.. А что, если уговорить Сашу поехать искать вещи отца? Тогда...

Саша и Коля, возбужденные успешным испытанием ружья,— оно било далеко, кучно и пробивало толстую доску,— шумно уселись в лодку. Коля налег на весла. Саша, гордо откинув голову, правил, видя себя уже не около Крутых Гор, а недалеко от Семигорья, где были завалены вещи отца. Вдруг он заметил Горчакова.

— Опять этот... Жора,— недовольно проговорил он.— И чего он повадился к нам?

Коля обернулся, посмотрел на Горчакова и спросил Сашу:

— А чего ты так на него? Если бы не он, мы бы ничего не знали о... ну, ты понимаешь, о чем?

— Отдохнуть ему надо после войны,— передразнил Саша.— Все работают, а он по пивным лазит.

— А помнишь, когда еще Кротин вернулся, а до сих пор не работает.

— Мама говорила, что он и до войны на базаре пропадал — спекулировал.

Коля опять обернулся, чтобы посмотреть, что делает Горчаков, усмехнулся:

— Он купаться пришел, а ты говоришь — ничего не делает,— Коля внимательно посмотрел на помрачневшего товарища. Вдруг, бросив весла, он пересел на корму и, заглянув в глаза Саши, взволнованно прошептал:— А что, если он... если он... твоей маме нравится?

— Что?! — Саша приподнялся.— Как ты смеешь так говорить?

— Саша... Саша...— заторопился Коля,— ну может же быть такое!

— Ты не знаешь моей мамы,— с горькой обидой проговорил Саша и отвернулся. У него мелькнула мысль: «А что, если это правда?» И он тотчас в душе поклялся:— «Уйду».

— Не обижайся,— виновато промолвил Коля.— Это я только подумал. Я не верю. Хочешь, клятву дам? Нашу!— Он приподнялся, выпрямился.— Я, член организации имени лейтенанта Смирнова, вызвавшего огонь на себя, и имени геолога Тропинина, отказавшегося работать на фашистов, клянусь!..

Горчаков заметил ребят, когда они вышли из леса. Он начал медленно раздеваться, делая вид, что пришел иску-

паться. Мысли путались. Он видел, что Саша относится к нему настороженно, и даже догадывался о причине, поэтому в присутствии подростка он старался быть суховатым с его матерью. Наблюдая за ребятами, Горчаков увидел, как Саша вдруг встал, выпрямился, будто солдат, принимающий присягу. «Что это у них?» — подумал Горчаков.

Вдруг недалеко от Горчакова кто-то вскрикнул. Он обернулся и увидел, что с высокой кручи падает в реку девочка. Краем глаз он заметил, как Саша и Коля бросились из лодки в воду. Но они были далеко от девочки. Горчаков прикусил губу от радостной мысли: «Вот когда он поверит мне!» Вбежав на кручу, он прыгнул в Донец. Вынырнул он в тот момент, когда девочка уже второй раз погружалась в воду. Горчаков схватил ее и, держа на весу, подплыл к берегу.

Девочка уже на песке вдруг громко заплакала. Горчаков нагнулся над нею.

— Дядя Георгий, как хорошо, что вы успели, — Коля восхищенными глазами смотрел на Горчакова. — Если бы оттуда плыть, — он показал на место, где около камня лежала одежда, — не схватили бы! А то с кручи и сразу рядом. Здорово получилось!

— Мы не подоспели, — тяжело дыша, сказал Саша и строго спросил девочку: — Ты почему около обрыва игралась?

Девочка уже пришла в себя, перестала плакать. Взглянув на Сашу, она вскочила и кинулась по тропке бежать. Отбежав немного, она остановилась и тихо пропоросила:

— Дядя Саша, не говорите маме, а то она ругаться будет, — и скрылась за деревьями.

Горчаков окинул подростков взглядом и вскрикнул:

— Ребята, а лодка! Уплыла! Догоняй! — прыгнул в воду к уплывающей лодке. — Скорее!

Коля хотел броситься за ним, но Саша дернул его за руку.

— За мной! — приказал он и побежал вдоль берега.

Коля, поняв, что так они скорее успеют к лодке, побежал за другом. Догнав Сашу, он прошептал:

— А ты говорил... Видал, как он точно нырнул? Не даром он в армии был.

Саша виновато промолчал.

Ребята добрались до лодки. Коля сел на весла, Саша направил лодку к плывущему к ним Горчакову.

— А вы перехитрили меня! — воскликнул он, хватаясь за борт, и с тревогой спросил: — А выдержит ваша посудина троих?

Саша рассмеялся и не без гордости ответил:

— Она пять человек поднимает. Влазьте, — и, поборов в себе неприязнь к Горчакову, произнес: — Влазьте, дядя Георгий.

Скрывая радостную улыбку, Горчаков окунулся в воду, вынырнув, шумно фыркнул и ловко забрался в лодку. Внимательно оглядев ее, он похвалил:

— Хорошо сделана. Видно сразу — мастера делали.

Гордые от похвалы, Коля и Саша переглянулись.

— А знаете, чего ей не хватает? — усевшись на скамеечку, спросил Горчаков и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Паруса! А ну-ка дай, Коля, я посмотрю, можно его приспособить?

Коля посторонился, и Горчаков промерил четвертями ширину скамейки, на которой садится гребец. Прищурился глазом, он помолчал и потом решил: — Можно!

Лица ребят засияли. Это было их давнишнюю мечтой. Но они не знали, как приспособить парус.

— А вы, дядя Георгий, знаете, как это сделать? — потянулся к Горчакову Коля. — Эх, под парусом прокатиться бы! Во-первых, — как на море, а второе, — мы бы, Саша, весь путь не сидели на веслах, мозоли не набивали бы! Как ветер — мы парус на-гора! — Он обернулся к Саше. Тот сердито посмотрел на друга. Коля удивленно пожал плечами: «Я же не сказал лишнего, что ты сердишься?» Но осекся, будто внимательно рассматривая что-то на берегу.

Горчаков сел грести. Далеко закидывая весла, он всем корпусом налегал на рукояти и лопасти, пеня и взбивая воду. Лодка так быстро набирала скорость, что, казалось, вот-вот оторвется от зеркальной поверхности воды и взлетит.

— Ого! — не удержался Коля. — Это побыстрее, чем мы с тобой вдвоем гребем, — обернулся он к Саше.

Саша утвердительно качнул головой.

— А знаете, что, ребята, если хотите, я помогу вам оборудовать парус. У вас есть какой-нибудь инструмент? Молоток, пила, топор?

— Есть,— ответил Саша.

— Тогда правь домой,— приказал Горчаков.— Сейчас приступим.

Когда все трое приблизились к сараю Тропининых, Саша подумал, что не стоило бы постороннему человеку показывать имущество, приготовленное для экспедиции (оно было в сарае), но необходимо было выбрать для мачты подтоварник, и Саша открыл дверь.

— О-о! — удивился Горчаков, увидя посреди сарая поставленную по всем правилам туристскую палатку.— Да здесь лагерь туристов! — он посмотрел на ребят.— Ваша?

— Угу,— кивнул головой Коля.— Это мы здесь...

— Спим! — закончил за него Саша.

— Да, да, спим! — торопливо подтвердил Коля.

— Да у вас тут целая мастерская! Вот это здорово! — Горчаков подошел к верстаку, оглядел его. Потрогал острие зубьев пилы, ногтем тронул жало рубанка.— С таким инструментом можно что угодно сделать. Постойте, постойте,— удивленно сощурился он.— Да вы не сами ли соорудили лодку? А ну-ка, признавайтесь.

— Сами,— заулыбался Коля.

— Нет,— возразил Саша.— Мы делали, а руководил дедушка Илья.

— Да, дедушка нам помогал,— подтвердил Коля.

— Не помогал, а руководил,— сердито поправил Саша.

— Давайте выбирать подтоварник,— вмешался Горчаков.

Достали нужную жердь, и ребята топорами принялись очищать ее от сучьев, потом закрепили на верстаке. Горчаков, сгибая на наковальне крючки для оснастки паруса, обратился к Саше:

— Послушай, Саша, я понимаю, что летом вы без лодки, как без рук.— Он громко постучал по кольцу, помолчал.— Мне, понимаете, нужна лодка. Хочется проехаться по Донцу,— и опять часто застучал молотком.

Ребята приостановили работу, вслушались.

— Вот если бы вы,— Горчаков, прижмурив левый глаз, оценивающе осмотрел кольцо,— если бы вы помогли мне сделать лодку, а?

— Да, мы...— Коля взглянул на Сашу и осекся.

— Леса нет,— вздохнул Саша.

— Я постараюсь достать,— ответил Горчаков. Он по-

ложил кольцо и сдвинул фуражку на затылок.— Готово! Все металлические части готовы. Теперь дело за парусиной. Где же нам ее достать? Как вы думаете?

— У матери попрошу,— решительно сказал Коля. Потом, подумав, сокрушенно вздохнул: — Не даст. Ничего нет.

— Обождите, по-моему, у меня можно выкроить из постельного белья простыню. Да. Я сейчас! — Горчаков поднялся, отряхнул стружки с коленей, поправил фуражку и вышел.

Коля выглянул в дверь.

— Вот это здорово, парус у нас будет!

— И чего тебе не терпится,— напустился на него Саша.— Мы да мы... поедем. Договорились вдвоем, и все!

— А ну тебя, вечно ты придираешься ко мне! — вспылил Коля.— По-моему, пригласить дядю Георгия, и мать сразу согласится отпустить нас. А ты заметил, он все умеет. Думаешь, помешает? Ничего подобного, пусть себе бродит по лесу, а мы будем делом заниматься. А кто парусом будет управлять?

— Выучимся,— Саша попытался остановить товарища.

— «Выучимся»,— передразнил Коля.— Пока научимся — лето пройдет. А без паруса — тяни лямкой. Как бурлаки у Репина. Вот!

— Может, он и не поедет? Очень нужно ему возиться с нами,— начал сдаваться Саша.

— Сперва надо попробовать, а потом — говорить, — наступал Коля.

— Нет, надо вдвоем. Понимаешь, может, все правда, что пишет отец. А может там «санит»?

— А мы вещи не дадим ему смотреть, если ты боишься.

— Ночью уснешь...

— Охранять будем! Нас двое. Да и не нужно ему это все,— махнул рукой Коля.— Книжка-то у него была. Он, небось, читал ее, по его мнению, там нет ничего.— Коля подошел к другу.— Ты, Саша, не обижайся на меня, я не хочу плохого сказать о твоём отце, но это ведь мечта.. Ты понимаешь, он мечтал!

— Я понимаю, не маленький. А со скважинами он тоже мечтал? А сейчас испытывают.

— Тише. Идет,— Коля взялся за рубанок, заширкал им по подтоварнику.

Вошел Горчаков. У него подмышкой был большой сверток. Оглядев сарай, он со вздохом сказал:

— Придется на улице кроить парус, тут негде.

— Увидят там,— предостерегающе сказал Коля.

— Да,— согласился Горчаков.— Неинтересно будет. То мы придем на лодку — раз — и с парусом, а то кто-нибудь уже знать будет,— он еще раз оглядел сарай.— Если палатку убрать — поместимся.

— Сейчас,— Коля кинулся снимать палатку, а Саша принялся помогать. Горчаков подошел к палатке и, раздвинув, заглянул во внутрь.

— Обождите ребята,— усмехаясь, остановил он Колю и Сашу.— А ну, признавайтесь, зачем вам все это? — показал он на палатку.— Путешествовать собрались? И, наверное, тайком, чтобы родители не знали? Все уже приготовили: котел, сети для рыбки... А переметы взяли? — вдруг строго спросил он Колю.

— Взяли,— растерянно ответил тот.

— А спички в непромокаемой обертке?

— Не-ет,— заморгал глазами Коля.

— Насидите без огня! Без огня ничего не сварите, придется рыбу сырую есть. Вот что мы сделаем,— Горчаков шагнул к подросткам.— Я ничего не скажу родным, а вы... берете меня с собой. Договорились?

— Родные знают,— улыбнулся Коля.— Да только Сашина мать...

— Коля! — остановил его Саша.

— Не пускает? — договорил за Колю Горчаков и, увидев, что тот утвердительно наклонил вихрастую голову, быстро добавил: — Известное дело! Ай, как скоро забывается, что сам убегал когда-то из дому! Искал — а может за той горой богатство, легкая жизнь! — Горчаков сокрушенно покачал головой.— На все бы решился, а вот уговаривать Сашину маму, чтобы она вас отпустила, не буду.

— Почему? — чистосердечно удивился Коля.

— Эх ты, малыш,— усмехнулся Горчаков и, видя, что Коля обиженно нахмурился, поправился: — Да не умом и ростом, а сердцем ты малыш, Коля. Смотри, вон Саша понимает. Почему? Одна она останется, Саша ей сейчас дороже всех на свете. Ни за что она не отпустит его! А вдруг что случится! Ураган, молния — простудиться можно...

— Да нам совсем недалеко! — воскликнул Коля. — Если хорошенько попросить тетю Галю — отпустит.

— Как ты думаешь, Саша? — повернулся к подростку Горчаков.

— Я еще поговорю с мамой.

— Ты уже разговаривал? — удивился Горчаков.

— Да, поэтому и сидим здесь, — махнул рукой Коля. — Готовились всю зиму, а теперь все может сорваться.

— Как же вам помочь? — Горчаков облокотился на верстак, нетерпеливо забарабанил пальцами по выструганной жерди. — Ничего сразу не придумаешь. Давайте лучше с парусом покончим, а потом будем решать дальше. — Он сволок в сторону палатку, расстелил посредине сарая две простыни — одну к другой. Опустившись на колени, черным карандашом наметил косой срез. — Так. Это мыотрежем и пришьем туда, чтобы парус больше был. А это надо вырезать для красоты. Покрой наш будет, как у каспийских рыбаков.

— Дядя Георгий, давайте все трое... тайком? А? — Коля присел рядом.

— Трое? Тайком? — Горчаков помолчал, будто обдумывая, и рассмеялся: — Вам-то, пожалуй, ничего не будет, а мне каково? Нет, Коля, не могу! — И снова принялся вычерчивать парус. На полу из простынь вырисовывался острый, как крыло чайки, парус. Он казался стремительным. — А где же нам взять ножницы и нитки? — Горчаков вопросительно поднял глаза на Сашу.

— Я принесу, — Саша еще раз взглянул на чертеж паруса, и в его воображении встала будущая запись в путевом журнале: «Идем под парусом. Ветер восточный, пять баллов». Он, довольный, улыбнулся. — Я быстро — одна нога здесь, другая там! — и выбежал.

Горчаков, продолжая возиться с парусом, как бы мимоходом спросил:

— Надолго едете?

— Как получится, — серьезно ответил Коля. — Дело покажет.

— Интересно, — повернулся к нему Горчаков, — открывать новые земли, что ли?

— Нет, — усмехнулся Коля. — Понимаете, какое дело... Сашин отец до войны еще как-то плыл по Донцу, и вот с ним случилось... — Коля, услышав шаги Саши, замолчал.

— Готово! — поднялся Горчаков. — Теперь осталось сшить, и можно отправляться!

...Поздней ночью, когда, наконец, подул легкий ветерок, Горчаков подал команду:

— Парус поднять!

Коля, волнуясь и спеша, потянул за веревку, и над его головой взвился парус.

— Смотри, Саша, — и Горчаков стал показывать, как управлять лодкой.

Галина Аркадьевна, оставшись на берегу, с тяжелой тоской в сердце глядела на убегающую от нее белокрылую лодку.

«Вот она, сильная мужская рука, и оторвала от меня Сашу, — подумала она. — А мне хотелось, чтобы он всю жизнь был со мной».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Жаркий полдень. Раскаленный белый песок жжет босые ноги. Сгибаясь, тянут лямку Саша и Коля. На лодке за рулем Горчаков.

— Эй, ребята, давайте меняться! — весело закричал он. — Уже моя очередь!

— Он думает — мы не осилим, — устало вздыхая, сказал Коля. — Я не брошу, пока не дотяну до той косы. А ты?

— Я тоже! — ответил Саша. — Кричи ему, что мы не хотим.

Коля обернулся, закричал:

— Мы до той косы! — и показал вперед.

— Я не согласен, — прогудел в ответ Горчаков.

— Пошли! — Саша, тяжело шагая, поправил лямку — веревка резала плечо. Когда Коля влег в лямку, сразу стало легче. — А вдвоем тянуть — совсем другое дело, — улыбнулся Саша.

— Дня через два доберемся? — Коля повернул голову, стараясь заглянуть в лицо другу.

— Здесь течение сильное, перекаты частые — задержат.

— Но уж вниз мы покатым! А здорово дядя Георгий все умеет. И обед приготовит, и палатку поставит... А он из ружья стреляет, как снайпер! Вот бы нам так!

— Будем тренироваться — сумеем. Он сколько прожил. Где только не побывал!

Обливаясь потом, ребята тянули лодку. Горчаков, полулежа на корме, нежился в лучах яркого солнца. На душе у него было спокойно и радостно. Он напал на верный след. Хотя еще и не ясно, что надо предпринять в дальнейшем, но все шло хорошо. Галина Аркадьевна, взяв слово с Горчакова, что он не проговорится ребятам, рассказала о цели их путешествия. А потом уговорила упиравшегося Сашу ехать только вместе с Георгием Игнатьевичем. На вчерашней ночевке Горчаков подслушал разговор ребят (они еще таились от него), что «санит» они возможно найдут в вещах Тропинина. Им хотелось получить синий луч. Поверили и они... Ну, теперь не так просто получить луч, формула-то исправлена...

Горчаков весело рассмеялся.

— Эй, бурлаки! — закричал он. — Шабаш вашему пути! — и резко повернул руль. Лодка ткнулась в берег. — Садись!

Горчаков надел через плечо петлю лямки, пошел по берегу, обдумывая, что

он предпримет дальше. Необходимо добиться, чтобы они ничего не таили от него. А то, чего доброго, утаят и «санит», если найдут его в лодке, когда-то оставленной Тропининым. «Санит»... Хотя бы десяток граммов! Тогда его благополучие обеспечено. Горчаков, сжав кулаки, быстрее зашагал по песку...

*   *
*

С высокой меловой горы, у подножья которой расположился лагерь, открывался вид на реку Донец, он, наткнувшись на насыпь под прямым углом, поворачивал к востоку и там, за мощным обгорелым дубом, промыв себе новое русло, недолго пробирался лесом и вновь выбегал к меловым кручам. На правом берегу реки по вершинам гор бесконечной змеей извивались окопы, к ним вели то полукольцами, то изгибаясь спиралями, ходы сообщений от далеких блиндажей и укрытий. Здесь, зарывшись в меловые горы, фашисты хищными глазами рассматривали необозримые дали Левобережья.

За рекой, по самому обрыву берега, стояли русские, и даже котелок воды из Северного Донца фашистам стоил жизни. Белые россыпи берегов были устланы трупами в серо-зеленых мундирах...

Прошло несколько лет. Остались в меловых горах окопы, валяются в ходах сообщения простреленные немецкие каски, заржавевшие тесаки, разнесенные в щепы приклады. Обладатели их разгромлены.

А просторные дали остались. Зарубцевались бугристыми наростами раны на деревьях, зазеленели вершины на высоких дубах, из пеньков потянулись молодые сильные ветви, выросли буйные травы на Левобережье, закрывая бывшую линию обороны.

Саша и Коля с волнением и гордостью рассматривали рубеж, где стояли советские бойцы, и с презрением отшвыривали с дороги заржавевшие каски фашистов.

Горчаков, не интересуясь, почему именно здесь остановились, со злой тоской взял ружье и, переправившись на левый берег, направился к лесу. Выстрелил в воздух. Слабый выстрел в лесу показался ребятам далеким-далеким. Горчаков, прячась в мелколесье, подполз к самому берегу и стал наблюдать за тем, что делали на берегу подростки.

Саша и Коля с киркой и лопатой приблизились к насыпи, долго осматривали ее подножье, потом перешли к обрывистому берегу. Посоветовавшись о чем-то, они приступили к работе. Подростки рыли две узкие траншеи параллельно бывшему руслу Донца.

«Соображают, замухрышки!— удивился Горчаков.— Ишь, рассчитали, что лодка могла стоять носом к берегу — такими траншеями они быстро наткнутся на нее... А впрочем, сегодня они ее не найдут, а там посмотрим».

Горчаков отполз в густые кусты, поднялся и направился вглубь леса. Он не обращал внимания на солнечные полянки, на взлетающих из-под ног зябликов, чижей, не слышал ласкового воркования горлинки, его не трогал плач желтой солнечной иволги. Вдруг он остановился.

Высоко приподнявшись, зажав в пасти неоперившегося птенца иволги, на него смотрела большая змея. Горчаков отступил немного назад и с любопытством стал следить за ней. Змея пристально глядела на него, и он еще отступил, чтобы не испугать ее. Успокоившись, она опустилась и поползла своей прежней дорогой. Горчаков наблюдал, как в траве извивалось сильное тело пресмыкающегося. По сторонам плоской змеиной головы жалко свисали беспомощные крылья задушенного птенца.

«Попался, замухрышка!— обрадовался Горчаков.— Разве можно избежать удара этого сильного, хищного и ловкого тела?» Змея выползла на солнечную полянку, поспешно проглотила птенца и, свернувшись кольцами, замерла. «Переварит и еще добудет. Потом еще,— Горчаков задумчиво улыбнулся.— Как она его, а? Раз — и нет. Вот это по-моему!»

Вдруг над головой Горчакова зашумели сильные крылья. Над змеей взметнулся крупный коршун, и через секунду в его когтях переломленной плетью повисла змея.

Горчаков вскинул приклад к плечу и, поймав на мушку птицу, дернул спуск. Сильная птица вздрогнула, но не выпустила змеи. Тогда Горчаков, прицелившись еще, медленно нажал на спусковой крючок. Птица выпустила змею и, медленно взмахивая крыльями, потянула к вершине высокого дуба.

Черное тело пресмыкающегося глухо ударилось о пенек и свалилось в траву. Горчаков, со злостью проводив

взглядом птицу, быстро подошел к змее. Она с разможенной головой, извиваясь, издыхала на земле.

Горчаков быстро вернулся к лодке. Переехав на правый берег, решительно направился к ребятам. Они бросили работу на насыпи, как только показался Горчаков. Взяв кирку, он подошел к траншеям, сильно взмахнув, вонзил ее в землю.

— Я вам помогу,— хрипло сказал он.

— Да мы так...— начал было Саша.

— Для упражнения мускулов,— заторопился Коля.

— Саша, я все знаю,— ворочая глыбу, сказал Горчаков.— Ты ищешь вещи отца. Правильно делаешь. Молодец! Каждый юноша... настоящий советский юноша поступил бы по-твоему. Я помогу тебе!

Коля растерянно посмотрел на Сашу: я, мол, тут ни при чем. Саша нахмурился и принялся отгрести землю из-под широко расставленных ног Горчакова.

К вечеру от усталости ребята валились с ног, а Горчаков все ухал и ухал в такт ударов киркой. Он предложил рыть пока одну траншею и, если удастся наткнуться на лодку, откопать ее, вырыв вокруг котлован.

Поздно ночью полусонные ребята еле подносили ко рту ложки, потом, не успев прилечь к подушке, набитой высушенной травой, уснули таким сном, что можно было рядом палить из пушек.

Горчаков залил костер, посидел около палатки, потом тихо сошел вниз к реке. При свете луны осмотрел обрыв бывшего берега Донца. «Все правильно»,— заключил он и вернулся в палатку.

*   *
*

На третий день Коля, бросив лопату, со стоном опустился на землю. Все тело ломило от усталости. Саша, до боли прикусив губу, продолжал рыть. Они уже проходили третью траншею, но лодки пока не нашли.

Горчаков, бросив косой взгляд на Сашу, невольно вздрогнул — перед ним стоял Тропинин! Тот, который выдерживал муки гестаповских застенков. Горчаков закрыл глаза и обессиленный присел на камень.

Саша продолжал работать.

— Не найдем,— со слезами в голосе сказал Коля.— Разве все это перероешь? — Он указал на огромную

насыпь, протянувшуюся от меловой горы до обгорелого дуба.— Земли здесь вон сколько.

— Найдём!— сквозь зубы бросил Саша, откидывая землю.

— Бросать надо,— прошептал Коля.

— Пока не найду, я...— Саша выпрямился,— я шага не сделаю отсюда.

— Правильно, Саша,— поддержал Горчаков.— Только пора отдохнуть денек-другой. Так работать — мы быстро ноги вытянем.

— Я не устал,— упрямо мотнул головой Саша.

«Откуда они такие берутся?»—со злобой подумал Горчаков, поднимаясь с камня.

— Корчагину не так трудно было,— прошептал Саша.— Молодогвардейцам труднее было, а не сдались... а ты...— Он так взглянул на Колю, что тот сразу приподнялся,— а ты раскис! А еще клятву дал стоять, как лейтенант Смирнов!

... Поздно вечером кирка Саши стукнула по дереву.

— Она!— закричал Саша, отваливая огромную глыбу.

Из земли показался борт лодки. Коля кинулся к ней, но оступился и упал. Еле поднявшись, он прошептал:

— Наконец-то.

Они работали еще час. Горчаков выпрямился, сердито приказал:

— Хватит! Пошли отдыхать. Нельзя так. Куда она денется? Сейчас же спать!

Саша посмотрел на него, отрицательно покачал головой.

— Нет,— прошептал он.— Я не пойду.

Горчаков ушел. Коля возился рядом, потом попросил:

— Санек, пойдем хоть поужинаем, а? Пойдем?

— Иди. Я ... после приду.

— Идем, пойдем же.

— Эй, ребята, ужинать!— закричал от костра Горчаков.

— Санек, пошли, а?

— Ты иди, а мне сюда поесть принесешь.

Коля недовольный поплелся к палатке.

— Саша! Саша!— закричал опять Горчаков.

Тот не отозвался.

Коля поужинав, попросил:

— Дядя Георгий, налейте в котелок супу, я отнесу.

— Сейчас,— Горчаков влил в котелок супу, протянул Коле.— Возьми.— Но Коля, прислонившись к пеньку, уже крепко спал. Оттащив подростка в палатку, Горчаков усмехнулся:— Стоит ли вас так нянчить? Может, все впустую для меня?— проворчал он и, в полутьме выбирая дорогу, пошел к Саше.

Тот, привалившись к борту лодки, спал.

«И этот свалился,— подумал Горчаков. Он поставил котелок, хотел вытащить Сашу из траншеи.— Тяни хоть в воду... »

Но как только он дотронулся до Саши, тот заговорил:

— Коля, принес? Давай. Я ничего, я передохнуть присел,— увидев перед собой Горчакова, он протянул:— Это вы, дядя Георгий?

— Возьми суп,— Горчаков подал котелок.

Саша, жадно похлебав супа, снова взялся за кирку.

— Что ты делаешь?— возмутился Горчаков.— Пойдем спать, Саша!

— Еще немного,— ответил тот.

Но уставший за день, он не мог работать, и, бессильно опустив руки, посмотрел на сидящего на камне Горчакова. Тот услышав, что Саша перестал работать, поднял голову.

— Пошли?— спросил он.— Пойми, Саша, я не могу оставить тебя одного. Ты устал, уснешь и простудишься, а я твоей матери дал слово беречь тебя.

Саша молча пошел к палатке. Взяв фуфайку и охапку сена, он направился к месту раскопок.

— Не пущу,— загородил дорогу Горчаков.— Надо спать в палатке.— Он тяжело дышал.

— Я спать буду там,— тихо проговорил Саша и, обойдя Горчакова, пошел по тропе.

Горчаков, с размаху плеснув в костер ведро воды, скрылся в палатке.

* *
*

На другой день лодка была открыта. Вещи переходили из рук в руки. Только путевой дневник Саша не дал посмотреть даже Коле.

— Прочту сам, тогда...— тихо сказал он, видя просящий взгляд друга.

Вещи сохранились плохо. Обвалившаяся на них земля

была влажной, и они попрели от сырости, ружье измято огромным валуном.

Горчаков выжидал, что Саша предпримет дальше.

Саша удалился от лагеря, склонился над путевым дневником отца и долго читал. В дневнике не было точно указано место, где Тропинин нашел «санит», но по одной записи Саша догадался, что именно в тот день отец нашел новый металл. По датам записей он прикинул расстояние, откуда ехал отец, и испуганно оглянулся. Там был карьер, и Саша слышал, что его усиленно охраняют. Значит там добывают «санит»!

Саша задумался.

Если раздобыть немного «санита», можно попробовать осуществить мечты отца: получить синий луч. В записной книжке отца есть формула. Мать припомнила, что отец говорил о каком-то луче не то во время грозы, не то после, когда произошел взрыв в пещере. А что, если поискать в пещере?

К Саше подошел Коля, он присел и тихо спросил:

— Прочитал?

— Да,— задумчиво ответил Саша.

— Синий луч есть?

— О нем ни слова.

— Нет?!

Саша вздохнул, посмотрел на лежащего на песке около воды Горчакова, завистливо сказал:

— Ему хорошо, лежит — загорает на солнышке.

— Говорит, надоело на одном месте торчать,—ответил Коля.— Теперь, мол, вещи нашли, скучно будет, делать нечего.— Он наклонился к уху друга, прошептал:— А ты знаешь, о чем он думает? О синем луче! Вот, мол, если бы найти, тогда по всему Донбассу прогремели бы. Я, говорит, немного в химии разбираюсь, если бы был «санит», попробовали бы. Я, мол, помог бы вам... А что? Он поможет! Видал, как он работал, а зачем ему вещи твоего отца? — помолчав, Коля тяжело вздохнул.— Да, тут думаешь, что делать,— он посмотрел на путевой дневник.— А в нем ничего нет о «саните»? Где он его нашел? Какой он? Вес, цвет?

— Ничего нет,— сводя к переносице брови, сказал Саша.— На, читай. Только знаешь, что? Пока ничего... ничего не говори дяде Георгию! Сами решим, что делать. Хорошо?

— Угу,— согласился Коля, открывая дневник.

— Поклянемся?

Ребята встали и, глядя на просторные дали, вместе произнесли свою клятву.

...Саша успел вволю накупаться, Горчаков приготовил уху,— ночью в сети попало много рыбы,— а Коля все еще читал дневник. Вернее, он изучал одну страницу, где Борис Антонович записал: «Кожаная сумка, спичечный коробок, патрон — все цело». Что это такое? В записной книжке упоминается о потере спичечного коробка в пещере... А что, если Борис Антонович так записал о своих хранилищах «санита»?

Коля вскочил и замахал руками Саше. Тот прибежал.

— Садись, слушай! А что, если...— И Коля начал рассказывать о своих предположениях.

— Эй, заговорщики! — закричал Горчаков. — Хватит вам шептаться, а то можно подумать, что вы меня убишь собираетесь! — Он быстро подошел к ребятам.

— Что вы, дядя Георгий? — с тревогой ответил Коля. — Это мы думаем, куда ехать дальше,— и покраснел от сознания, что говорит неправду.

— Куда глаза глядят, туда и поедем,— весело воскликнул Горчаков. — Давайте махнем туда, откуда отец сюда приехал, а?

— Туда нельзя,— вырвалось у Саши.

— Почему? — засмеялся Горчаков. — Туристам везде можно. Тебе, Саша, тем более. Твоего отца в Донбассе все знают, твоя фамилия все двери открывает. Какой геолог был! Я за три недели в Крутых Горах наслушался о нем! Вот если бы он был жив, хорошо бы вам с матерью жилось.

Саша вздохнул.

— Знаменитый геолог был! — воскликнул Горчаков. Он легонько тронул Сашу за плечо. — Перестань грустить. Пошли к палатке. — Он увлек ребят за собой. Молча разлил уху по чашкам, поднес ко рту ложку, подул на нее. — Эх, горяча!.. А, между прочим, почему нельзя плыть вверх? — он вопросительно посмотрел на Сашу.

Тот, поглощенный воспоминаниями об отце, словно в забытии, ответил:

— Там карьер очень секрет...— Саша осекся на полуслове.

Горчаков, будто не слыша, шумно дул на уху в большой деревянной ложке.

— Эка, горячая! — промолвил он опять. — А что, ребята, если остудить ее в реке? Ведь так языки пооблезут. Шутка, какая она горячая получилась. Будто на огне варилась, — засмеялся он. Повернувшись к Коле, Горчаков сказал: — Пошли остудим?

Повесив котелок на палку, они пошли к Донцу. Саша быстро оглянулся на них и скрылся в палатке, там он быстро пересчитал патроны в полуистлевшем патронташе отца. Патроны были все. Какой же из патронов с «санитом»? Саша положил патронташ в сумку, а ее спрятал под подушку.

— Эй, Саша! Куда ты девался? — услышал он голос Горчакова. — Енот рыбу тащит из чашки.

— Правда, Саша! — весело хохоча, закричал Коля. — Гони скорее, а то без рыбы останемся!

Саша вылез из палатки и увидел убежавшего енота.

— Это мы помешали, — Коля заглянул в чашку, — а то бы он всю рыбу съел. Хорошо еще — он без мешка...

Все рассмеялись.

После обеда Горчаков, захватив ружье, переправился на Левобережье и скрылся в лесу. Саша торопливо вытащил из палатки сумку, достал оттуда патронташ и принялся рассматривать позеленевшие от сырости гильзы. Коля нетерпеливо вертелся рядом.

— Открывай! — не выдержал он.

Саша поддел картонный пыж. Под ним чернела дробь. Коля, испуганно заморгав глазами, попросил:

— Давай и я, — и торопливо стал вытаскивать гильзу.

— Осторожно, — предупредил его Саша.

Чем меньше оставалось в патронташе заполненных гнезд, тем быстрее выдергивали ребята пыжи из гильз. Вдруг Коля вскрикнул:

— «Санит»! — и тотчас зажал себе рукою рот. — Саша, он...

Саша осторожно заглянул внутрь гильзы. Серые комочки металла поблескивали тускло и, Саше показалось, сумрачно.

— Теперь мы должны немедленно возвратиться домой, — Саша быстро спрятал патрон с «санитом» в карман куртки и тревожно оглянулся. Вокруг было пустынно.

Около круто подмытого левого берега покачивалась пустая лодка.— Мы попытаемся добыть синий луч.

— Давай сообщим об этом... куда следует, а? — предложил Коля, высыпая на ладонь кусочки металла.

— О чем?

— О синем луче.

— Не поверят. Отцу не поверили, а нам тем более. Вот если мы его добудем, тогда другое дело.

— Правда... Что же нам делать?

— Ехать домой! — решительно сказал Саша.

* *

*

Горчаков, внимательно наблюдавший за поведением Саши и Коли, понял, что они что-то скрывают от него. Попытки прочесть найденный дневник Тропинина не увенчались успехом. Саша насторожился и не доверял ему, а Коля избегал оставаться с Горчаковым наедине. И все же Горчаков добился своего.

Затевя учебу по управлению парусом, он задержал ребят на старой стоянке на целый день. Усадив их в лодку, сам остался на берегу. Саша и Коля, быстро освоив нехитрую науку, забывшись, умчались под парусом вниз по Донцу. Дневник же остался в палатке и оказался в руках Горчакова. Он сразу увидел закладку между страницами и принялся быстро читать. Дойдя до записи о кожаной сумке, спичечном коробке и патроне, Горчаков вспомнил, что вчера, когда он из леса наблюдал за ребятами, они возились с патронташем, а потом упорно настаивали на немедленном отъезде домой.

«Так вот в чем дело? В книжке упоминается о спичечном коробке, о патронташе... Значит, «санит» в патроне!»

Горчаков принялся лихорадочно перебирать патроны в патронташе Тропинина, но поиски оказались безуспешными — патрона с «санитом» не было. Тогда, немного подумав, он быстро схватил Сашину куртку и в нагрудном кармане нащупал дрожащими от волнения руками патрон. Горчаков заменил содержимое патрона измельченными, поблескивающими кусочками дикого камня и снова положил патрон в карман куртки.

После этого первым его движением было — немедленно бежать, но Горчаков сдержал себя — это вызовет подо-

зрения. Начнутся поиски, а до границы далеко. Каждый шаг будет опасен. И он решил избавиться от ребят, избавиться так, чтобы развязать себе руки и действовать наверняка.

Ночью, сказав ребятам, что идет удить рыбу, Горчаков спрятал патрон с «санитом» в обгорелом дубе. Ему страшно было расставаться с дорогой добычей, но он умел владеть собой и действовал наверняка, по заранее разработанному плану, предусмотрев в нем все до малейших подробностей.

Рано утром они погрузились в лодку и быстро поплыли по течению. Саша время от времени незаметно трогал патрон в кармане куртки, чтобы убедиться в его целости, и торопил Колю, который изо всех сил налегал на весла.

Горчаков внимательным, сосредоточенным взглядом осматривая берега, словно отыскивая что-то очень важное, правил лодкой. Будто засмотревшись на красивые берега, незаметно для ребят поворотом руля направлял лодку то на меляк, то в заросли тальника или в огромные поля желтой кувшинки, потом долго и неуклюже возился, выбираясь оттуда.

— Дайте я буду править,— сердился Саша, пытаюсь отстранить Горчакова.

— Да что тебе не терпится, Саша? — усмехнулся Горчаков, не двигаясь с места.— Куда ты спешишь? Или дома срочные дела? Придет твое время, успеешь еще насидеться за рулем.— И снова лодка налетела на песчаную косу.— Вот видишь? Отвлек меня и... тпру! Стали...— Он неспеша вылезал из лодки и смеясь ташил ее в противоположную сторону той, куда тянули ребята.— Взяли! — кричал он и вдруг выбегал на берег. Растянувшись на песке, звал: — Ребятки, давай сюда! Надо кости выпрямить, а то ломают. Сидишь — гнешься, как кот в мешке.

— С такими проволочками мы за пять дней не доберемся,— сердито жаловался Саша Коле.— Что с ним?

— Не хочет возвращаться, наверное. Надо на работу поступать,— Коля за руку тянул друга на берег.— Пойдем и мы полежим. Песок сейчас горячий.

Саша неохотно соглашался. Постелив куртку, он ложился на нее и грудью чувствовал в кармане жесткий патрон. С курткой он не расставался, но Саше хотелось опять взглянуть на «санит», а ему никак не удавалось

остаться наедине или хотя бы с Колей — обязательно рядом оказывался Горчаков

Когда Саша садился за руль, на веслах работал Горчаков, и частые посадки на мели продолжались.

— Видишь,— смеялся Горчаков,— сам посадил на мель, а на меня сердился.

— Вы не тем веслом загребли,— оправдывался Саша.

— Это я тебе еще помог, а то мы раньше сели бы на мельяк,— и снова греб так, что лодка попадала в заросли тальника.

Было еще далеко до вечера, когда Горчаков попросил Колю:

— Посмотри, что там барометр показывает?

Тот опустил весла, обернулся, покопался в сумке.

— Буря? — протянул он. Постучал по стеклу.— Бурю показывает...

— Покажи-ка,— Горчаков нахмурился.— Надо оставаться на ночлег,— сказал он.

— Рано,— возразил Саша.

— Нет, нет, ребятки, надо подготовиться,— и Горчаков повернул лодку к берегу. Окинув взглядом место останки, остался доволен: — Хорошая стоянка. Остаемся!

— Давайте хотя за поворот проплывем,— попросил Саша.

— Интересный ты парень, Саша,— усмехнулся Горчаков.— Здесь мы будем спать, как у Христа за пазухой. Видишь, перед нами гора. Понимай это. Ветер будет разбиваться об нее, а за поворотом он нам в лоб. Лодку трепать будет, палатку расхлещет.

Саша неохотно согласился. Перетаскав на берег вещи, развели на полянке костер, над ним повесили котелок.

— Варите сами, а я место для палатки выберу,— сказал Горчаков и пошел вдоль берега.

Саша, повернувшись к нему спиной, быстро достал патрон, потрусил над раскрытой ладонью. Выпавшие камешки больно укололи руку. Саша вздрогнул: «санит» не колот, когда Саша его вот так высыпал. Он поднес ладонь к глазам и обмер: это был не металл.

— Коля, смотри, что же это? — прошептал он.

Услышав испуганный шепот друга, Коля бросил чистить картошку, вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что испугало Сашу. Саша, протягивая к нему руку, еле слышно произнес:

— Это же не «санит»! Коля, это же... не он!

— Тише,— Коля быстро огляделся, прикрывая собой Сашу.— Куда же он девался? — Он осторожно взял один кусочек, повертел его и вдруг положил на зубы и сжал челюсть. Камушек треснул и раскололся.

«Санит» не раскалывался.

Неожиданно из-за кустов показался Горчаков.

— Что же вы про ужин забыли? — громко засмеялся он.— А я хожу и думаю, чего они притихли? Чем вы любуетесь?

Саша при появлении Горчакова зажал в одной руке патрон, а в другой камушки. Коля испуганно обернулся. Оба молча смотрели на Горчакова.

— Ну и любите вы все тайком делать,— обиделся Горчаков.— Как чуть что отыщете — так шептаться. Показали бы, я помог бы разобраться,— присев на корточки, принялся палкой помешивать в костре.

Саша, прикусив губу, на что-то решался. Вдруг он рывком протянул руку к Горчакову и разжал кулак.

— Что это? — спросил он.

Горчаков, не ожидавший этого, вздрогнул, но тотчас взял себя в руки.

— Это? — Он выбрал на дрожащей ладони Саши камушек покрупнее.— Сейчас посмотрим... Хотя я и не геолог, но камень от руды или, скажем, металла отличу.— Он точно так же, как только что проделал Коля, положил кусочек на зубы. Морщась, сдвинул и удивился: — Крепок! — Нажал сильнее. — Очень крепок! — Посмотрел внимательно на Сашу и сказал: — Похож на металл, а там... кто его знает, что это. А зачем он вам? Откуда он?

— Так... нашли,— неуверенно ответил Коля, глядя, как Саша силится раздавить зубами камушек. И когда камушек не поддавался, не раскрошился, Коля обрадовался:

— А ты испугался.

Саша поднялся и пошел на берег.

— Коля, помоги палатку поставить,— попросил Горчаков.

Коля охотно стал помогать. Когда палатка почти полностью была закреплена, поднялся ветер. Он залопотал в вершинах тополей, сдул с меловых круч мелкую, как мука, пыль в Донец.

— Ого, рванул! — забывая колышек, удивился Горчаков. Он внимательно осмотрелся и сказал: — Коля, мы

малость ошиблись, ветер сорвет палатку, надо ее перенести.

Палатку разбили под деревом. Поужинали. Горчаков прислушался к глухо шумевшему лесу и распорядился:

— Костер хорошенько залейте. Раздует, разнесет угли — пожару наделаем, — и стал собирать лески. — Кто со мной рыбу ловить? В такую погоду сомы из-под коряг вылазят. Волны по коряге бьют, а они, головастые, думают, что их сейчас убьют, — Горчаков засмеялся, — и бегут к берегу... Нет, лучше ложитесь спать, завтра чуть свет подниму.

Саша, молчавший весь вечер, незаметно для Горчакова тронул за локоть друга, давая знак не соглашаться идти удить рыбу.

Горчаков, пройдя по берегу, уселся под кручей. Саша притянул к себе друга.

— Он, — Саша показал под кручу, — он забрал «сани».

— Что ты?

— Да. Он оставил несколько кусочков, а остальное забрал. Его надо связать! — Саша передохнул. — Сонного. Ты понимаешь, Коля, я ему не верю. Он какой-то... тяжелый. Все присматривается, будто вынюхивает что-то. Что теперь делать?

— Надо сообщить в село, — Коля выглянул из палатки. — Сидит. Давай оглушим его и свяжем, а?

— Он сегодня догадался, что я о нем думаю, осторожным стал. Станешь к нему подходить — он глаз с тебя не спускает.

— Тогда в село надо за подмогою.

— Заметит, сбежит.

Ребята задумались. Ветер бушевал над лесом. Дерево, под которым стояла палатка, застонало, глухо затрещало.

— Саша, что же нам делать?

— Вот что, Коля, давай установим за ним наблюдение. Куда он — туда и мы. Это раз. Ночью спит один, другой — на страже. И смотреть за всем. Сейчас надо разрядить его ружье, чтобы он не мог стрелять...

— У него, наверное, пистолет есть.

— Пистолет? — переспросил Саша. — Возможно. Тогда, как только будем проезжать, где людей много... направим лодку к берегу и кричим. Нам помогут. — Саша прислушался, как хлещут о берег волны.

Завывая и ухая, ветер ударил в гору и, поворачивая от кручи, с силой навалился на дерево. Оно стонало и потрескивало.

— Ты ложись спать, а я буду дежурить,— Саша посмотрел на берег.

— Нет, давай вместе.

Они осторожно отошли в сторону и залегли.

Ветер набирал силы. С диким гиком он налетел на гору, взвизгиваясь смерчем и бросался на лес. Деревья, будто прижимаясь друг к другу, глухо ропща, отражали натиск урагана. Лишь на опушке одинокие тополи склонили кудрявые головы-кроны, словно жаловались на свою участь. Белогривые волны бились на Донце, разлетались в брызги у берега. Вокруг все шумело, стонало, а временами казалось, что даже земля содрогалась.

— Сидит,— прошептал Коля, теснее прижимаясь к Саше.

Вдруг ветер с такой силой обрушился на одинокое дерево у кручи, что оно с треском рухнуло вниз.

Горчаков вскочил, кинулся наверх. Вымахнув на кручу, он заглянул в палатку, закричал:

— Саша, Коля! Где вы?! Что с вами?

Из кустов появились ребята.

— А мы вышли посмотреть, как костер залили,— сказал Саша.

— А... Вот хорошо! Ты смотри, как хорошо! — затопился Горчаков.— А я видел, как вы куда-то пошли... Когда дерево упало, я испугался — не придавило ли вас...

Спокойствие ребят смутило Горчакова, он не понимал, что они задумали. Если бы они не доверяли ему, то один из них мог бы отправиться в ближайшее село и позвать людей... Как быть? Убрать их? Зарыть вещи, затопить лодку? Хватятся — начнутся поиски. Неделию тому назад можно было бы, а сейчас нельзя — дома их ждут со дня на день... Тогда завтра в полдень у разрушенной плотины произойдет «катастрофа» и они на виду у всех погибнут!.. Свидетели подтвердят случайность катастрофы, и его никто не будет искать. А он попытается использовать карманный скафандр и добраться до берега, оттуда в лес, а потом пусть ищут.

Утром Горчаков заметил, что Саша возится с берданкой. До сих пор она лежала без дела.

— На охоту собираешься? — поинтересовался Горчаков.

— Заржавела, — тихо ответил Саша, — почистить надо. Путешественники из нас липовые, про ружье забыли.

Когда уселись в лодку, отправляясь в путь, ружье случайно оказалось недалеко от Саши. Он улыбнулся Горчакову, виновато проговорил:

— Хочу матери зеленого дятла привезти... Уж очень он красивый и у нас редко встречается.

— Попадешь ли? — улыбнулся и Горчаков, ощупывая в кармане небольшой браунинг. — Мал он очень...

Коля, хмурясь, из всех сил греб, поглядывая на берега. Был будничныи день, и на реке купающиеся не встречались.

Вдали показалось село. Все оживились. Горчаков стал готовиться к тому, что он задумал. Саша и Коля с нетерпением ожидали появления людей, надеясь на их помощь.

Здесь течение Донца было не сильное, впереди полуразрушенная плотина. Саша весь подался вперед. Сейчас за поворотом покажется село, на плотине обычно много народу, ниже плотины в полдень отдыхает колхозное стадо, и около — пастухи. Там же паром через реку и на нем люди.

За поворотом глухо зашумело — это Донец, прорываясь через узкую промоину в плотине, по острым камням устремлялся вниз, крутясь и пенясь над омутами. Здесь на самой стремнине торчала огромная, почерневшая от времени коряга.

Лодка показалась из-за поворота и, подхваченная стремительным течением, понеслась в промоину плотины.

Саша чуть приподнялся. На насыпи — никого. Зато на пароме стояла автомашина, около перил было много народу, и с горы к перевозу стремительно мчался мотоциклист.

«Подъедем к парому, прикажу остановиться», — решил Саша. Он сел на лавку и положил руку на ружье.

Лодка вошла в пролом плотины, нырнула вниз,

черкнула дном по камню, накренилась и, подхваченная стремниной, ринулась вперед.

«Надо ударить лодку боком,— Горчаков прикинул, как опрокинется Саша.— Его разобьет о корягу». Рассчитывая каждое малейшее движение, он скомандовал Коле: — Наляжь! — и улыбнулся при мысли, что Колю прибьет веслом, которое ударится о корягу. Горчаков приготовился к прыжку.

Лодчонка со страшной скоростью мчалась на огромную, черную корягу.

«Сейчас!» — обрадованно подумал Саша, боясь глянуть на паром, чтобы не выдать себя.

Река грохотала, глухо ревела и пенилась, разбиваясь о корягу.

Вдруг Горчаков стремительно метнулся через борт. На берегу кто-то пронзительно закричал.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В августе жителей городка Крутые Горы не спасают от духоты настужь распахнутые окна — здания накаляются так, что и от них несет нестерпимым жаром.

В выходные дни горожане покидают свои квартиры и отправляются кто куда. Страстные любители ловить рыбу забираются подальше от людных мест и, выставив десяток удилещ, зорко всматриваются в поплавки; охотники, оставив дома ружья, забредают в лесные чащи, высматривая уголья для осеннего и зимнего сезонов; художники, расставив мольберты на полянках, пытаются отобрать у солнца и леса краски для своих полотен. А на белых косах и песчаных берегах Донца, как только пригреет солнце, располагаются живописными группами любители искупаться.

Подполковник Малахов, дойдя до крутого спуска к воде, остановился, хотел взять на руки четырехлетнего сына.

— Я сам! — запротестовал сын.

— Упадешь,— засмеялся отец.

— Не упаду,— заверил сын и смело шагнул на круто сбегающую тропу.— Я уже ходил здесь,— и, балансируя руками, чтобы устойчивее держаться на ногах, быстро побежал вниз.

Из-под ног ребенка покатились камушки, он, заглядевшись на них, забыл о крутизне тропинки.

Отец поспешил к нему на помощь, но сын оглянулся, засмеялся и побежал.

— Вовка! — строго крикнул отец, пытаясь схватить его. Сын сбежал с горки, утонул ногами в песке и со всего маху шлепнулся вниз лицом. — Я так и знал! — сказал отец, останавливаясь над распростертым сыном. — Поднимайся быстрее!

Вовка, тяжело сопя, поднялся, шагнул, потом остановился, снова обдумывая, куда направиться.

Малахов расстегнул ворот гимнастерки, вытер вспотевший лоб.

— Поедем, Вовка, на ту сторону, — предложил он сыну.

— А там мороженое есть? — серьезно спросил Вовка.

— Там дятлы есть, — засмеялся отец.

— Мне дятлы не нужны, я хочу мороженого, — пояснил Вовка. — А потом можно и дятлов.

— Ну, ну, ладно, — улыбнулся отец. — Сегодня твой день. Пойдем вон к тому киоску, там будем купаться, — сказал подполковник. — А привезут мороженое — купим. Но там тоже жара несносная, — говорил Малахов, идя за сыном.

— Товарищ подполковник! — окликнул кто-то Малахова.

— Да! — обернулся он, застегивая воротник.

К нему подошел высокий мужчина и, взглянув на погоны, спросил:

— Вы товарищ Малахов?

— Да, я. В чем дело?

— Товарищ подполковник, я только что приехал в Крутые Горы. Сам я местный житель, Иванов... — Он коротко рассказал о себе и замолчал, ожидая вопросов.

Подполковник, внимательно глядя на него, сказал:

— Слушаю.

Вовка отошел от отца, стащил с себя рубашку и уселся на песок.

— Могу ли я задать несколько вопросов? — спросил Иванов.

— Прощу, — посматривая на сына, ответил Малахов.

— Откуда известно, что геолог Тропинин расстрелян фашистами?

— Из архивов гестапо, — подполковник чуть осутился.

— Когда?

— В ноябре 1941 года.

— В ноябре 1941 года... — медленно повторил Иванов и решительно заявил: — Этого не может быть!

— Как не может быть? — строго посмотрел на него подполковник.

— Я видел его в сорок втором году в Освенциме, — уверенно проговорил Иванов, — собственными глазами видел. Меня выводили из пыточной, а его вели туда. Я видел его вот так близко, как сейчас вас. Здесь что-то не так.

— Вы один раз встречались?

— Мне этого вполне достаточно, ведь я хорошо знал Бориса Антоновича. Мы с ним работали вместе в последней экспедиции. Мне удалось бежать из Освенцима, я был командиром польского партизанского отряда...

— Та-ак... Вы утверждаете, что не ошиблись?

— Нет! Потом мы узнали, что Тропинина отправили в Майданек. Это было весной сорок третьего года.

— Благодарю, товарищ Иванов. Мы займемся проверкой:

Подполковник отвел домой Вовку. В кабинете, затребовав дело гестапо о Тропинине, внимательно просмотрел его. Выходило, что Тропинин расстрелян за отказ работать на Германию. Малахов снял трубку телефона, позвонил Галине Аркадьевне.

— Вы и сегодня на работе? — спросил подполковник.

— А вы? — засмеялась она в ответ.

— Мне, наверное, положено, — улыбнулся Малахов.

— Мне тоже. Дома никого — сын уехал на Донец... — она помолчала, — путешествовать. Одной скучно.

— Галина Аркадьевна, мне надо с вами поговорить. У вас есть время? Не возражаете, если я сейчас зайду за вами и... — Малахов улыбнулся, — и провожу вас домой? Хорошо?

Подполковник, выслушав рассказ Галины Аркадьевны о Борисе Антоновиче, о сыне, попросил разрешения забрать все письма мужа для ознакомления.

— Больше ничего нет? Записей каких-нибудь, заметок, рукописей? — спросил он. — Может, дневники?

— Нет, — грустно ответила Галина Аркадьевна. — Вот

это последняя весть...— она указала глазами на зеленую записную книжечку.— До ее получения я все еще надеялась... И сама не знаю почему, а надеялась. Теперь никаких надежд.

— Да, — посочувствовал Малахов. — Вы говорите, когда они должны вернуться?

— Через неделю, Иван Андреевич.

— Так... Галина Аркадьевна, а по-вашему, Горчаков хороший человек?

— Если уж души мальчиков покорил, то должен быть честным, — улыбнулась женщина.

— Простите, Галина Аркадьевна, что побеспокоил. Наша работа такая.— Он забрал со стола все бумаги и попрощался.

— Иван Андреевич, — задержала его Галина Аркадьевна.— Там на конверте приписка какая-то... непонятная. Я не понимаю до сих пор, что он нашел? Я думаю, что это он написал, когда вступил в армию. Ведь его не брали, он добивался.

— Спасибо вам, Галина Аркадьевна, — подполковник взглянул на грустное лицо Тропининой и подумал: «Приходится беречь рану, а она еще не зарубцевалась». Он пожал благодарно руку Галины Аркадьевны и быстро вышел.

Перечитав все, чем он располагал, Малахов столкнулся с многими неясными вопросами. Началась кропотливая работа. Надо было многое проверить, домыслить или просто разгадать. Подполковник знал, что металл, названный Тропининым «санитом», уже добывают, правда под другим названием. Он справился, кто первый открыл его, и получил ответ, что наличие его в недрах земли ученые давно предполагали, а открыл Борис Антонович. Значит запись в книжке сделана геологом после открытия. Отсюда следует, что записи о синем лучше не мечта геолога, не выдумка, а действительность.

Фамилия и адрес хозяина записной книжки — Тропинина, были зачеркнуты, потом восстановлены. Лаборант утверждал, что это произведено совсем недавно. Пулевое отверстие книжки было свежим.

Полученные сведения о Горчакове не вызывали сомнений. В день приезда он прописал свой паспорт, стал на воинский учет. В селе, куда он ехал к знакомой с военных лет, было установлено, что там действительно жила жен-

щина, которая переписывалась с офицером. Но к ней недавно вернулся из плена муж, и они завербовались на какую-то стройку. Односельчане ждали письма от них. Одно вызывало сомнение у Малахова — это желание Горчакова почаще бывать у Тропининых. Но разговоров о научных работах геолога он никогда не заводил.

Малахов боялся одним своим неосторожным шагом помешать раскрытию какого-то загадочного случая. Задержать Горчакова? А что это даст и, главное, какое основание? Только потому, что он привез книжку?... А как же быть с Ивановым?

Ночами все работники отдела подполковника искали пути к решению задачи. Проверяли запросы, сличали и анализировали записи. Все нити сводились к одному дню — это день, когда городок Крутые Горы заняли фашисты. Свидетели тех дней подтверждали, что Борис Антонович до последнего дня работал в лаборатории и, если бы он нашел синий луч, то слова: «То, что искал, нашел», — были бы написаны в письме, а не на конверте. Письмо же датировано днем начала оккупации. Нельзя было не согласиться с предположением Галины Аркадьевны, что эта радость по поводу вступления Тропинина в армию.

Вскоре в формуле, записанной в книжке Тропинина, обнаружили исправление, внесенное позже. Какова она была раньше — установить не удалось. Может, фашисты, вырвав секрет синего луча, исправили формулу? Подполковник Малахов послал лейтенанта на розыски ребят и Горчакова.

Прибыв утром на место расположения лагеря, он никого не застал у подошвы меловой горы. Лейтенант на мотоцикле помчался вдоль берега Донца.

Над рекой занималась заря.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Курт Винер, очнувшись, с удивлением посмотрел в лицо русского. Оно было озабоченно и одновременно ласково. Курт попытался подняться и не мог.

Тропинин помог ему. Винер благодарно улыбнулся, но вдруг, вспомнив, что перед ним истязатель заключен-

ных в лагере Майданек, отстранил руку русского. Борис Антонович наклонился к Винеру.

— За что они вас? — спросил он.

— Я хотел передать,— Курт поморщился от боли в голове: «Перестарались, чуть до смерти не заколотили»,— подумал он и продолжал: — Хотел передать русским, что вас не отпускают...— Винер застонал.

— Удалось? — рассматривая при тусклом свете лицо переводчика, Тропинин заметил, что в глазах немца вспыхивает то злоба, то испуг, то удивление. «Чего это? Иль совесть не чиста?» и повторил вопрос:

— Не удалось?

— Нет,— протянул Винер, явно выгадывая время.

— Поймали? — не давая собраться с мыслями, быстро спросил Тропинин.

— Да. На восточной границе,— забыв версию Крузе о его поимке, произнес Курт.— Нашли записку...

— А она с вами? — перебил Тропинин.

— Не-ет...— Курт окончательно растерялся.— Ее отобрали...

— А вы бы передали на словах,— насмешливо посоветовал Тропинин. Он быстро отошел, сел на койку и перестал обращать внимание на Винера.

Курт понял, что русский догадался, почему он оказался в одной камере с ним. Первой его мыслью было немедленно подбежать к двери и попросить, чтобы его выпустили. Ведь такому русскому, как этот, ничего не стоило задушить его. Сколько он погубил людей! Разве он посчитается с Куртом? Он так бы и сделал, но не мог встать. Тогда Винер быстро обернулся к Тропинину. Тот сидел не шевелясь и явно делал вид, что не замечает его. «Выключают ли здесь свет? — тревожно подумал Винер.— Тогда мне не дожить до утра». С трудом поднявшись, он, придерживаясь за стену, добрался до своей койки и повалился на нее. Лежал, настороженно наблюдая за русским.

Тропинин встал и начал ходить по камере. Курт насторожился, повернулся так, чтобы было удобно вскочить в случае опасности.

«Надо прожить жизнь так,— шептал русский в такт своим размеренным шагам,— чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые дни...»

«Заговаривается?» — с испугом подумал Курт и привстал на койке.

Тропинин вслух читал книгу о жизни Павла Корчагина. Читанием вслух спасался Борис Антонович от одиночества. Вновь переживая за людей, боровшихся с врагами, он из книг черпал силы для своей борьбы. Он вспомнил Овода, декабристов, Чернышевского, Димитрова... Когда-то он читал много книг и, оставшись один, он восстанавливал в памяти прочитанное до малейших подробностей. Происшествие с переводчиком нарушило установленный им режим.

Винер внимательно прислушался. Связная речь русского успокоила его. Какая-то новая, сильная правда помимо его воли овладевала им. Он потянулся к русскому.

Тропинин, наблюдавший за ним, заметив, что немец ждет продолжения, решил отступить от своего режима. Он походил еще час, потом разделся и стал заниматься гимнастикой.

Курт разглядел на кистях рук русского следы от наручников, а на ногах зажившие раны от кандалов.

«Откуда они у него? — подумал Винер и опять забеспокоился, глядя на упругие мускулы русского. — Такой навалится — не жди пощады». Он встал, прошелся по камере.

Тропинин намочил тряпку в кружке, растер тело и лег. Вскоре он спокойно спал.

Курт долго сидел на койке, ожидая, что русский вскочит и нападет на него. Наконец, измученный страшной усталостью, он забылся тяжелым, чутким к каждому шороху сном. Приглушенные шаги надзирателя, подходившего к волчку, чтобы понаблюдать за арестованными, будили его, он вскакивал, испуганными глазами водил по сторонам, готовый позвать на помощь. Тропинин спал.

Утром Курт проснулся с тяжелой головной болью. Русский занимался гимнастикой, потом около получаса молча ходил по камере. Он вел себя так, будто находился в камере один — Курт для него не существовал. После «прогулки», так определил Винер это молчаливое хождение русского, тот сел к прикованному к стене металлическому столику и, склонившись над ним, принялся что-то чертить на нем. Лицо Тропинина было сосредоточенным. Временами он, забываясь и, видимо, ясно видя что-то перед собой, недовольно ворошил рукой седые волосы, иногда улыбался, словно радуясь успеху.

После скудного завтрака Тропинин снова «прогули-

вался» — расхаживал по камере. На вопросы Курта не отвечал, даже не поворачивал в его сторону головы.

Вечером Борис Антонович снова по памяти читал отрывки из книги Николая Островского.

Винер с широко раскрытыми глазами слушал повесть о суровой правде русских. Он беспокожно ерзал на койке, но уже не боялся нападения русского, его волновали другие мысли. Ворочая их в мозгу, как тяжелые глыбы, он раздумывал над своей жизнью.

Сын рабочего, погибшего во время фашистского путча, он не пользовался доверием у гитлеровских правителей. До войны ему жилось трудно, поэтому он недолго думал, когда зимой 1941 года немецкие армии покатались назад — Винер бросил оружие и сдался в плен к русским. Курт вспомнил свое пребывание в России, и ему становилось стыдно за свои измышления о насилиях над ним в плену. Причиной этому — желание получить работу. Как поступил бы этот русский? Винер всматривался в Тропинина. На что он надеется? Кто поможет ему, если о нем никто не знает на воле? Почему он был закован в кандалы?

Было столько неясных мыслей, что сон не шел к Курту.

А как бы поступил русский на его месте?.. Где он рос, кто его отец, мать? Не ответит ему русский, не верит он Курту. Почему? Ведь он тоже хочет, чтобы восторжествовала правда... Мучил Тропинин людей, а признаваться не хочет. Вот он, Курт Винер, и решил добиться его наказания.

Курт тяжело приподнялся на койке.

Разве пошел бы он на то, чтобы быть здесь, если бы не боялся потерять работу?.. Нет. Конечно, нет! Он работал бы слесарем, исправлял водопроводы, налаживал ванных отопление, заменял краны... А что сделают с ним, если он не выполнит поручения?

Винеру стало страшно.

Русские, не имея куска хлеба, отказывались идти на работу к немцам. Тропинин никогда не заговорит с ним, и тогда... Курт Винер вспомнил, как исчез переводчик из лагеря для перемещенных, и его жена до сих пор не знает, где он, что с ним случилось. А может быть и он, как Курт, был послан?..

На следующий день Винер несколько раз пытался заговорить с Тропининым. Попытки оказались неудачными.

Вечером Курта утащили охранники, а через час его снова втолкнули в камеру — избитого, окровавленного. Закусив губу, он поднялся, сам дошел до койки, привел себя в порядок.

Два дня Курт не задавал Тропинину никаких вопросов. Он молчал. Тяжелая складка, залегшая у переносицы, с каждым днем становилась резче, глубже. Голова трещала от массы вопросов, на которые Курт не мог себе дать ответ.

За эти дни Тропинина несколько раз водили на допрос.

— Я требую передачи меня Советскому Командованию, — неизменно отвечал Борис Антонович. — Больше ни на какие вопросы отвечать не буду!

Как-то ночью, когда Тропинин разделся, чтобы заняться гимнастикой, Курт подошел к нему и, волнуясь, показал на запястья:

— Это в Майданеке?

Тропинин повернулся к нему. Это уже был не тот человек, за которым он наблюдал первые дни. В глазах немца исчезла злоба, недоверие, в них был только испуг за какую-то непоправимую ошибку.

— Да, — коротко ответил Тропинин и добавил: — Сперва в Освенциме, а потом в Майданеке.

— А это? — указал он на шрамы на руках.

— В Освенциме.

Курт Винер резко отошел, лег на койку и отвернулся к стенке. Потом повернул голову, спросил:

— Долго... они вас... мучили?

— До сих пор, — Тропинин быстро накиннул на плечи тюремную полосатую куртку, подошел к Винеру. — Расскажите о себе, — попросил он, — только как можно тише.

Курт, волнуясь, спеша и поэтому сбиваясь, рассказал об отце, своей довоенной работе, о погибшем брате, о плене в России, потом о службе в бюро...

* *
*

Крузе внимательно слушал Винера. И с каждым словом немца у него улучшалось настроение. Русский заговорил! Было чего улыбаться.

— По словам русского, — рассказывал Винер, глядя на улыбающегося Крузе, — металл, из которого можно

добыть синий луч, есть в Германии. Фашисты привозили ему кусок породы с вкраплениями металла.

— Как называет он металл?

— «Санитом» — в честь сына, а какое название ему дали в России, он не знает, — Курт наклонился, прошептал: — Господин Крузе, я не могу быть с ним... Я боюсь его! Пошлите кого-нибудь другого!

— Нет, нет, Винер, — улыбался Крузе. — Вы должны довести дело до конца. Он поверил вам, действуйте осторожно. Что говорил он еще?

— Я вас прошу, — прижал руки к груди Винер. — Я так соскучился по семье.

— Хорошо. Свидание с семьей мы вам устроим. Где предполагает Тропинин наличие металла в Германии?

— Фашисты привозили его из Верхней Силезии... — прошептал Винер. — Он сказал тогда, что это не «санит».

Крузе быстро встал, подошел к стенке, отдернул штору и принялся разглядывать карту.

— Так, — забывшись, проговорил американец. — Эти районы... Хорошо... Туда самолетом... — Он резко обернулся к Винеру, смерил его с ног до головы взглядом, строго сказал: — Сейчас мы вызовем на допрос Тропинина, продержим его здесь час. Хватит вам часа для свидания с семьей? Русский не будет знать о вашем отсутствии. Но потом вы будете опять с ним. Кстати, передайте жене вот это, — Крузе бросил на стол пачку марок. Он пристально посмотрел в глаза Курту, тот выдержал взгляд. — Вы пойдете не один, вас будут охранять. Жена не должна знать ни о поручении, которое вы выполняете, ни о сопровождающих.

— Понимаю... Я уже понимаю, господин Крузе.

* * *

Чуть брезжил рассвет, смутно освещая узкие берлинские улицы, когда около дома, где помещался штаб Советской Армии в Германии, остановилась худенькая женщина. Постояв с минуту, она решительно подошла к часовому у двери.

— Мне нужно... к самому главному, — сказала она волнуясь. — У меня срочное дело.

Женщину провели, ее принял генерал.

— Я — жена Курта Винера. Он просил передать вам,

что на улице Бисмарка, 8 находится русский геолог Тропинин. От него добиваются выдачи сведений о каком-то секретном металле,— женщина помолчала.— Бюро собирается добывать этот металл в Верхней Силезии. Туда придут самолетом. И еще. Запишите формулу, ее надо передать в вашу Академию,— Анна Винер сдвинула брови, медленно начала называть химические вещества, и вдруг ее глаза широко раскрылись от ужаса. Она замолчала.

Генерал посмотрел на нее.

— Я... я забыла,— прошептала Анна.— Курт так просил запомнить. Я хотела записать, но он не разрешил. Это какой-то синий луч. Курт говорил — это очень важно.

— Успокойтесь, — промолвил генерал. — Одну минутку.— Он позвонил. Вошел полковник.— Немедленно примите меры.— Генерал передал листок. Полковник пробежал глазами написанное, посмотрел на генерала, о чем-то спрашивая взглядом.— Да, да! — ответил ему генерал и обернулся к Анне.— Не припомнили?

Анна Винер опустила голову.

— Где вы собираетесь жить? — спросил генерал.

— Курт сказал, чтобы я осталась у сестры. Я выбралась через окно, так посоветовал Курт. Сестра живет у вас... в восточной зоне.

— Вы из западного сектора Берлина, да? — уточнил генерал.

— Да, да,— Анна Винер подняла голову, виновато улыбнулась.— Я посижу у вас, может, вспомню формулу, хорошо? У меня хорошая память, я обязательно вспомню...

— Нет, зачем же вы будете у нас? — удивился генерал.— Идите к сестре... отдыхайте. Вспомните, придете...

— Я тотчас приду...

* * *

*

Крузе решил не терять ни минуты. Ночью в самолет была посажена большая группа людей. Чтобы действовать наверняка, он приказал взять с собой Тропинина и Винера.

— Я надеюсь на успех,— говорил Крузе начальнику группы. Русский сдался, он откроет нам металл. В районе, где вы приземлитесь, вы будете в полной безопасности. Сведения у нас самые свежие, за вчерашний день,— Крузе встал, прошелся по кабинету.— Вас двадцать человек,

после пробы металла «серебристой жидкостью» металл раздать всем по кусочку. Вы его должны доставить сюда. Кто-нибудь должен уцелеть! Вам остаться на месте.— Крузе сел, помолчал, потом резко приказал: — Когда все будет в ваших руках, Тропинина и Винера расстрелять! В случае неудачи при высадке — Тропинина и Винера расстрелять! За это отвечаете вы лично. Все!..

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Выпрыгнув за борт, Горчаков заранее рассчитанным движением зацепился за торчавшую из воды корягу.

Лодка стремительно неслась на огромный ствол затонувшего дерева. Весло Коли налетело на корягу и, оглушенный, он вывалился в воду. Лодку с страшной силой ударило, раздался треск.

Но Горчаков успел заметить, как в момент удара лодки о корягу Саша взметнулся вверх, перевернулся в воздухе и нырнул в воду.

«Он может выплыть!» — испугался Горчаков. Скрываясь за корягой, он оглядел реку. Саши нигде не было видно. От берега плыли люди, спешили лодки.

«Поздно!» — зло ухмыльнулся Горчаков и хотел уже достать из кармана резиновый скафандр, как вдруг недалеко от себя увидел вынырнувшую из воды голову Саши. Саша приближался к берегу.

«Все пропало! — подумал Горчаков. — Ну, нет!»

Горчаков отцепился от коряги, вынырнул и кинулся к Саше. «Утопить!» — билась одна мысль. Он быстро настигал подростка. Горчаков рассчитывал нырнуть под Сашу и схватить его за ноги. Саша слышал позади быстро приближающиеся всплески и понял, что это Горчаков, но его покидали силы. Тогда он снова, как и при прыжке из лодки, глубоко нырнул и, быстро работая руками, долго плыл к середине реки. Его подхватили ласковые руки, подняли и попытались усадить. Саша прошептал:

— Держите вон того! — указал он на плывущего к берегу Горчакова. — Он... он сбежит! Где Коля? Коля где?

На пароме, который уже стоял посреди Донца, люди откачивали захлебнувшегося Колю.

Горчаков притворился, что он тонет.

— Эй! Гражданин! — закричал ему с парома лейтенант. Подъезжая к переправе, он видел все, что происходило на реке, и внимательно следил за Горчаковым. — Эй! — еще громче закричал он.

Горчаков оглянулся, увидел, что его настигает лодка, и будто бессильно погрузился в воду. Прижимаясь к каменистому дну, он торопливо начал надевать скафандр. В это время его зацепили багром за одежду и потащили вверх.

*   *
*

В момент погрузки на самолет Тропинин улучил минуту и напомнил Курту:

— Кто-то из нас должен выжить. Запомните формулу.

В самолете их разместили порознь. Всю дорогу Тропинин взволнованно глядел вниз. Когда мелькали на земле огни, он не мог сдерживать радости: под ними проплывала территория, по которой с победой прошли русские солдаты, и где-то в этих домах думали теперь и о его судьбе, и о судьбе Курта Винера.

Тропинин понимал, что если им не придут на помощь, то снова начнутся дни, может, годы тяжелой борьбы. Крузе, как и фашисты, не расстреляет его, пока не вырвет секрета синего луча. Луч нужен ему для завоевания господства над миром. Он не расстреляет его, но Курту не миновать злой участи.

Курт Винер... Какими извилистыми и мучительными путями пришел ты к правде!.. И Борису Антоновичу захотелось, чтобы Курт жил. Долго жил. Теперь это был не немец, ищущий работы, это был немец-борец!

Самолет убавил скорость. Все возбужденно прильнули к окнам. Внизу было темно. Прошло несколько минут. Начальник группы, высокий, крепкий мужчина, недовольно хмурясь, приказал готовиться к прыжкам, видимо, земля не разрешала посадку. И вдруг все сразу увидели светящийся знак и несколько огненных точек, обозначающих посадочную площадку. Все это засверкало на минуту и исчезло. Потом появилось вновь.

Пассажиров подбросило от толчка, самолет немного пробежал и замер. Держа наготове оружие, группа начала выгружаться. Внизу вспыхивали яркие лучи карманных фонариков. Иногда они скрещивались, и тогда

Тропинину казалось, что в темноте скрещиваются стальные клинки. Он рассмотрел чужих солдат и, подавив тяжелый вздох, подумал: «Видимо, наши не успели».

Сойдя вниз, он остановился. Недалеко стояли начальник группы прибывших и кто-то из встречавших. По обрывкам фраз он понял, что идет спор из-за старшинства.

— Мне приказано по прибытии вас сюда проверить всю группу, — настаивал встречавший.

— Я лично отвечаю за всех, — повысил голос начальник группы.

— Возможно, с вами посторонние, — не сдавался встречавший.

— Со мной нет лишних, можете проверить количество, — раздраженный начальник повернулся: — Пошли! — Он подошел к своей группе. Все сидели на земле.

— Считайте. Здесь все, кроме... — Он снизил голос до шепота, — кроме немца и русского.

— А где они?

— Эй, Курт! — крикнули из темноты.

Винер подошел. Не дожидаясь окрика, шагнул к ним и Тропинин.

— Вот они. Еще вопросы будут?

— Нет. Мне все ясно! — громко, будто отдавая команду, проговорил тот, который стоял рядом с начальником группы.

И, словно из-под земли, вокруг выросла стена серых шинелей.

Начальник группы, поняв, что они попали в руки русских, резко повернулся к Тропинину, выхватил пистолет и нажал на спуск. Почти одновременно с выстрелом кто-то кинулся на пистолет, ударив по вытянутой руке начальника группы. Глухо вскрикнув, кто-то упал.

Двое солдат скрутили стрелявшему руки, несколько человек склонились над упавшим.

Вдруг яркий луч прожектора осветил все вокруг. На земле лежал Курт Винер, Тропинин помогал солдатам перевязывать его.

— Борис Антонович, — прошептал Курт, — я не выживу...

— Что ты, Курт? — горячо возразил Тропинин. — У нас есть замечательные врачи, Курт, они тебя вылечат.

— Обождите, дайте сказать, — Курт поднял руку, еле сдерживая стон. — Поднимите меня... Вот так, хорошо.

Спасибо вам.— Он посмотрел на молча стоявших вокруг него русских.— Спасибо вам за все!.. Передайте жене всю правду... обо мне.— Винер поднял голову и громко произнес: — Надо жизнь прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитую... прожитую жизнь!.. Помогите мне встать. Вот так,— сказал Курт Винер, и все поняли, что это его последние слова.

— Он прикрыл вас,— обращаясь к Тропинину, взволнованно сказал русский командир.— Кто он? Ваш друг? Борис Антонович обнажил седую голову.

— Да, — прошептал он. — Так поступают только друзья.

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге и ее оформлении просим направлять по адресу: Киев, Ворошилова, 3. Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь». массовый отдел.

Володин Григорий Григорьевич
Синий луч. Повесть.

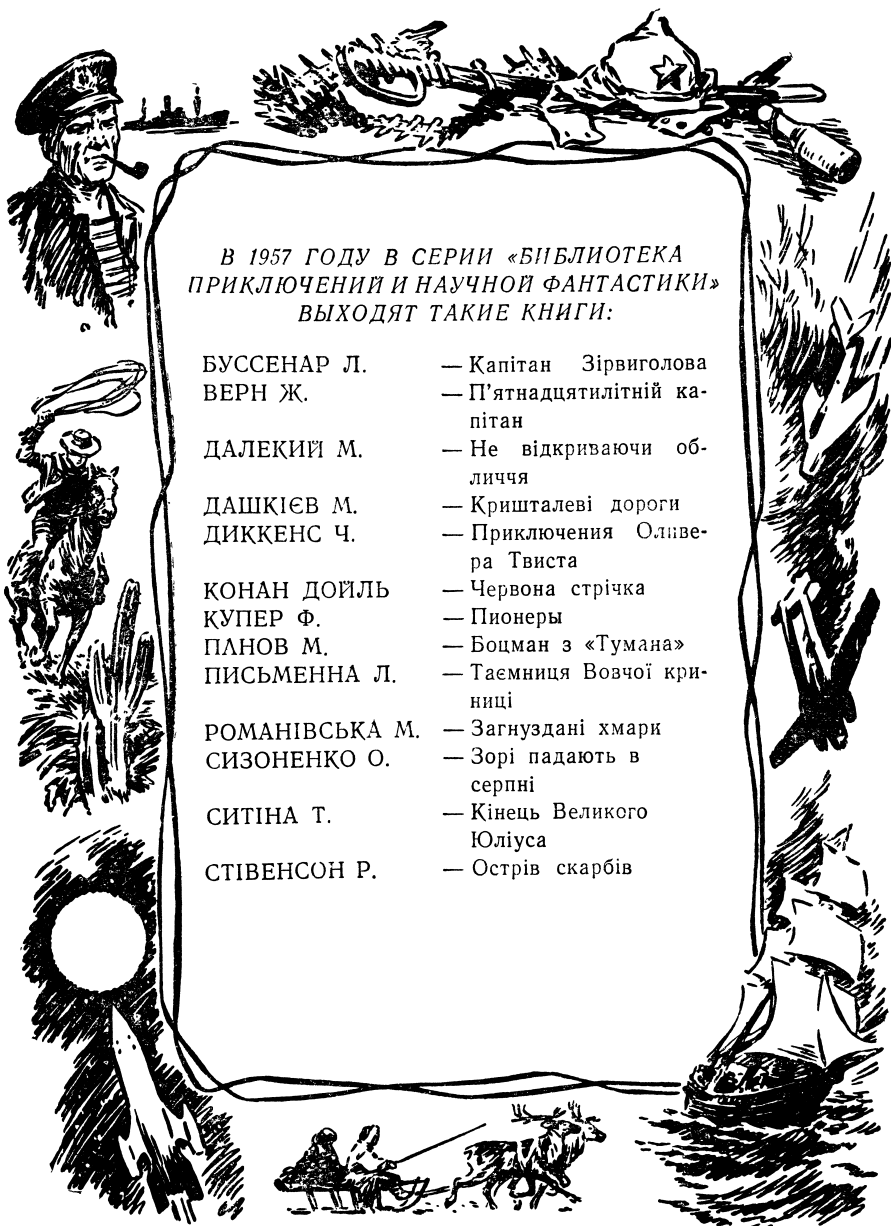
Редактор *Г. Ткаченко*
Художественный редактор *Р. Липатов*
Технический редактор *С. Клокова*
Корректор *Л. Андреева*

Сдано в набор 5/1 1957 г. Подписано к печати 18/11 1957 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. лист. 3,75. Условн. печ. лист. 5,15. Учетн.-изд. лист. 6,39. Тираж 215 000. БФ 02065. Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь», Киев, Ворошилова, 3.
Заказ № 390. Цена в переплете № 5 3 руб. 40 коп., в переплете № 7 3 руб. 90 коп.

Отпечатано с матриц книжной типографии, Львов, Пекарская, 11, в Книжно-журнальной фабрике Главиздата Министерства культуры УССР, Киев, Воровского, 24.

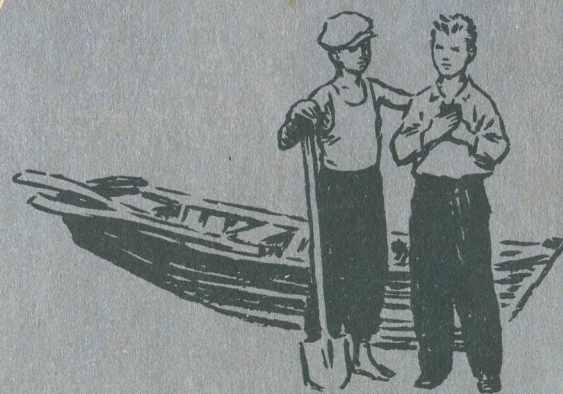

В 1957 ГОДУ В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ»
ВЫХОДЯТ ТАКИЕ КНИГИ:

БУССЕНАР Л.	— Капітан Зірвіголова
ВЕРН Ж.	— П'ятнадцятилітній ка- пітан
ДАЛЕКИЙ М.	— Не відкриваючи об- личчя
ДАШКІЄВ М.	— Кришталеві дороги
ДИККЕНС Ч.	— Приклучення Оліве- ра Твіста
КОНАН ДОЙЛЬ	— Червона стрічка
КУПЕР Ф.	— Пионери
ПЛАНОВ М.	— Боцман з «Тумана»
ПИСЬМЕННА Л.	— Таємниця Вовчої кри- ниці
РОМАНІВСЬКА М.	— Загнуздані хмари
СИЗОНЕНКО О.	— Зорі падають в серпні
СИТІНА Т.	— Кінець Великого Юліуса
СТІВЕНСОН Р.	— Острів скарбів

3 руб. 40 коп.

„МОЛОДЬ“

